

МИХАИЛ КОЗЫРЕВ

ЗАПРЕЩЕННЫЕ
СЛОВА

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“

МИХАИЛ КОЗЫРЁВ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

ТОМ ТРЕТИЙ

Кооперативное Издательство Писателей
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»

Москва -- 1928

МИХАИЛ КОЗЫРЕВ

ЗАПРЕЩЕННЫЕ СЛОВА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Кооперативное Издательство Писателей
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
Москва — 1928

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА

Л е н и н г р а д ,

пл. Урицкого 10

Главлит № А-5685.

Тираж 5.000-13 ш. л.

З а к а з № 500.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Я не против просвещения. Совсем нет. Я понимаю, что при текущем моменте все это очень даже необходимо. Ну, физкультура, скажем, радио там, политграмота что ли... Я всем этим кампаниям вполне сочувствую. Нельзя без этого.

Только одно скажу: и тут осторожность требуется. Правильный подход нужен. Нельзя же так на свежего человека навалиться сразу со всей культурой:

— На, мол, жри. Просвещайся.

А может быть, мы до этой культуры не дошли? Может быть, состояние экономики этой культуре не соответствует? Разве ж не может так быть?

А многие не понимают, и случаются от того некоторые несообразности.

Про себя скажу: сидим мы как-то с приятелями вечерком, в картишки балуемся. Обыкновенная игра—стуколка. Некультурная игра, мы сами понимаем, что не соответствует эта игра условиям момента в смысле текущей политики—а играем. Не приучены к другим играм. И к тому ж очень скромненько играем—по три копейки. Проиграешь

за вечер рубль, много два—и все тут. Пользы, понятно, нет, и некультурно—а по средствам все-таки.

И вот появляется, вы понимаете, заводит. Из Питера, должно—брюки с манжетами, пиджак в клетку, галстук булавкой заткнул—форменный политрук. Ферт, по-нашему.

— Садись, говорю, с нами...

Он и почал честить:

— Как, говорит, это можно, в эдакое, говорит, время, где, говорит, мы живем... Эту игру в столичных центрах давно забросили!

— Мы по-новому не умеем.

— А не умеете, так научить можно. У нас теперь новое дело—полит'игра.

И вынимает из кармана колоду—рубашка та же, только фигур совсем нет. Одни цифры стоят, и под каждой цифрой вопрос.

— Вот,—говорит,—вам политколода. Политколода политкарт имеет четыре политмасти: партия, внутренняя политика, внешняя политика, профдвижение. Каждая политмасть—девять политфигур по номерам от первого до девятого. Девять в роде шестерки, а единица—туз.

Мы все рты разинули:

— Вот это ловко!

А он дальше объясняет:

— На каждой политкарте под цифрой вопрос—в вопросах вся политграмота на манер Коваленки...

— А как же играть?

— Очень просто играть. Как и в те. Только вы бессмысленно карты бросаете, а эти карты со смыслом. Бросил карту—отвечай на вопрос. Не умеешь ответить—штраф и с тебя же ремиз. Да вы не бойтесь—у меня на каждой карте карандашиком и ответ начерчен. Для удобства.

Штука, видим, хорошая. Все, как и прежде, только польза не та. Польза во много раз больше. Здорово додумались. Изобрели!

— Ну что ж, говорим, начинай. Тебе сдавать.

Он, слова не говоря, кладет пятиалтынный.

— Не многовато ли, говорю. Мы по три копейки...

Тут он на меня взъелся:

— А ты что же, говорит, культуре не сочувствуешь?

Я, конечно, сочувствую. Соглашаюсь. Начали играть. Он под меня ходит—на карте вопрос:

— Что есть верховный орган государства?

Я вижу написано карандашиком: „съезд советов“.

— Съезд советов, говорю. И соседу подваливаю: Что такое экономическая политика?

— Она должна быть изменчивой,—кроет он.— А что такое новая экономическая политика?

Наш заводила отвечает:

— Нэп!

И мой приятель в ремизе и я в ремизе. Ставим для первого раза по пятиалтынному. Игра, видим, простая. Потихоньку да полегоньку при-

выкаем. Не верите, так к концу привыкли, что и на ответы не смотрим—шпарим наизусть. Только и слышно:

— Кто ненавидит?

— Буржуазия! Мы ее по зубам!

— А что есть основное начало коммунизма?

— От каждого по способностям! Гони трешку!

Что такое уклон?

— Оппозиция! Тебе сдавать, стучу в темную!

Мой черед ремиз разыгрывать. Большой ремиз—до трешки догнали.

Открываю козыри—партия — козырная масть. Ходят с маленькой:

— Какой есть высший орган партии?

Заводила отвечает:

— Съезд!— и ко мне:—А что является между съездами?..

Я в записочку не посмотри да и брякни:

— Оппозиция!

И с меня же при верной игре штраф и ремиз. С того и не повезло. Что ни кон, то ремиз.

Гляжу, а у меня уж и денег маловато.

— Нельзя ли, говорю, закончить.

— Нельзя! Мы еще профдвижение по пятому разу не проходили...

Я не против профдвижения. А сам все ставлю и ставлю. Дошло дело, что на вопрос: „кто такое Карл Маркс“ мне и ставить нечего. Только тут и сжалились.

— Довольно,—говорят,—для первого раза.

Я вздохнул. Слава те, господи... Начал деньги считать—гляжу—двух десятков нехватает. Двадцать рубликов! Это тебе не коту начхать. Это выходит недели две на хлебе-воде сидеть. Оно, положим, всю политграмоту теперь наизусть знаю, а все-таки жалко...

Двадцать-то рубликов—где они?

Вот я и говорю. Я не против просвещения. Я понимаю, что по текущему моменту все это нужно. Физкультура там, радио какое-нибудь, политграмота, что ли. Только нельзя все сразу. С наскоку:

— На, мол, жри! Просвещайся!

А может быть, мы к этому просвещению по состоянию экономики не подошли? Может быть, нам просвещение по маленьким порциям отпускать надо? Ну на рубль. Ну на полтора.

А тут—сразу, прости ты, господи,—на две десятки!

ПРИСТАВКИ

После долгих хлопот, очередей на бирже труда, ожиданий в передних у всяких завов, замов и управделов, Лидочка получила, наконец, службу. Ее приняли регистраторшей на исходящий журнал в губотдел союза совработников. Радости ее не было конца.

— Наконец-то меня перестанут упрекать, что я сижу на чьей-то шее,—думала Лидочка по дороге на службу.—Хватит, намучилась в этих мещанских предрассудках...

Но в первый же день ее постигла полная неудача.

— Запишите вот эту бумажку,—бросил ей секретарь какое-то отношение.—Вы знаете, как это делается? Ставьте сюда номер, а сюда—краткое содержание бумаги...

И, оставив Лидочке копию, секретарь исчез.

„Всем месткомам, уотделам, рай- и волотделениям“,—значилось на бумаге:—„Губотдел совработников напоминает о слабой культработе с профактивом. Необходимо всем предместкомам и завклубам, и культкомиссиям, в контакте с комъячей-

ками хозучреждений и соваппарата, проводить партлинию в смысле политобслуживания рабмасс путем спецзаседаний и товбесед, устраиваемых не только для проформы. С комприветом“.

И подпись.

Лидочка перечитала бумагу раз, перечитала два и ничего не поняла.

— Ну что, записали?—спросил секретарь, подсовывая другую бумагу.

— Я... я... — сквозь слезы пробормотала Лидочка,—не понимаю...

— Как, не понимаете?

— Н-не понимаю... Профактив... Партлиния... Товбеседа...

— Ну, как же так! Актив—вы понимаете? Линия? Беседа? Что же тут непонятного? А „проф“ и „парт“—обыкновенные приставки. „Парт“—партийный, „проф“ — профессиональный, „тов“ — товарищеский... Учили о приставках?

— Учила,—вся в слезах пробормотала Лидочка, но опять-таки ничего не поняла, а спрашивать постеснялась.

— Дома спрошу, что это такое...

И, списав копию бумаги, принесла ее домой. Дома она стала читать бумагу вслух за обедом, но, дойдя до слова „профактивом“, горько заплакалась.

— Чего ж непонятного,—сказал отец,—бумага, как бумага. Я сам такие пишу... Чего ты не понимаешь?

— Пр... при... приставки,—заплакала Лидочка.— У нас, во второй ступени, этих приставок... не учили...

— Ишь ты, не учили. Чему только там учат,— рассердился отец.—Я в городском училище был— и то учили. Приставки „из“, „воз“, „низ“, „раз“ пишутся, как слышатся... До сих пор помню... А теперь новые приставки пошли: сов, ком, проф, губ, полит... Давай, я тебе все их объясню. Пиши.

Лидочка торопливо записала на шпаргалку.

— Проф—профессиональный, спец—специальный, сов—советский, хоз—хозяйственный, вол—волостной..

— Теперь, где твоя бумага—давай читать.

Разбираясь по шпаргалке, Лидочка, наконец, поняла всю бумагу и споткнулась только на одном слове: „для проформы“.

— Папа, а это что же такое? Проф—приставка, значит, профессиональный, а что такое „орма“?

— Наверное, ошибка,—ответил отец, занятый газетой.—Надо читать—„норма“. Профессиональная норма...

Окончив газету, отец сказал:

— Давай теперь повторим.—Что такое „губ“? Что такое „парт“? Что такое „тов“? Что такое „ком“? Э, да ты путаешь! „Ком“—это коммунистический, а вовсе не комиссионный... Давай опять сначала.

Лидочка зубрила шпаргалку до тех пор, пока не заболела голова.

— Служба службой, а зачем же дитё мучить,— ворчала мать.—Ишь, как разгорелась... Ложись спать, я тебе на головку положу компресс...

Лидочка, засыпая, думала:

— Ком—пресс. Коммунистический пресс. Полит—пресс... Товпресс...

Утром она еще раз повторила шпаргалку и побежала на службу. На ходу вслух прочла вывеску:

— Лаки, краски, политура. Полит—ура. Полит—ура. Политическое ура! Все знаю...

А когда секретарь подбросил ей очередные бумаги, она с радостью схватилась за них. Выбрала одну попроще, поставила номер в книгу, номер на бумагу, наморщила лоб—и задумалась. Думала она очень долго, и пока она думала, лоб ее морщился все больше и больше, а губы сами собой обвисали, придавая лицу плаксивый, не-симпатичный вид.

— Не понимаю... Не понимаю,—шептала она. Губ—губернский, у — уездный, вол — волостной... Не понимаю... Спрошу...

И тихонько, на цыпочках подойдя к секретарю, робко спросила:

— Петр Иванович, а что такое „га“?

— Какое „га“? Что за „га“?—переспросил секретарь, отрываясь от работы. Увидев же заплаканные глаза Лидочки, сделался мягче.—Что вы еще не понимаете, милая? Какое „га“? Покажите...

Лидочка дрожащей рукой протянула бумагу:
— Я здесь все понимаю, а вот дальше... Вол-
га! „Вол“—это я знаю—приставка... „Волостной“..
А что такое „га“? Н-не понимаю...
И горько-горько расплакалась...

ГАЗЕТА

Редактировать газету да еще в глухой провинции—сущее наказание.

Живешь на вырезках, работников нет, а если и есть, то почему-то все — горькие пьяницы. Да и что там работники, если во всем городе за целый день ни одного порядочного происшествия! А тут еще со всех сторон насаждают,—давай местную жизнь.

А местная жизнь у меня один раз вот как обернулась.

У секретаря редакции жена заболела, единственный репортер запил, да еще поезд с газетами где-то в пути снегом занесло, и телеграммы запоздали. Сижу я в редакции чорт чортом—один, наборщики работы ждут, а у меня ничего нету. Прямо хоть вешайся!

И вот открывается дверь, и в мой кабинет прет молодой человек,— ну, как его описать?— нечто среднее между клубным арапом доброго старого времени и профессионалом-оратором по текущему моменту не менее доброго нового вре-

мени,—кепка на нем заграничного фасона с широкими полями, на шее пуховый шарф, на носу пенсне, а в руке, несмотря на зимнее время, тросточка с костяным набалдашником.

— Наверное, думаю, из столицы.

Он влетает в кабинет, расшаркивается:

— Байкальский... Фельетонист. Пятьдесят рублей авансом...

Правильно, что из столицы.

— Погодите, говорю, товарищ. Я, может быть, и сотни не пожалею.

И все положение дела ему объяснил.

Он сбрасывает с шеи шарф, с плеч пальто—садится к столу.

— Я не из таких положений выходил. Сейчас оборудуем. Где у вас вчерашний номер?

Подую ему номер, а сам наблюдаю: что дальше?

Он берет ножницы, вырезает передовицу:

— Вот вам и передовая...

— Второй раз!..

— Ну, так что же? Положим, если вы боитесь можно немножко переделать. Тут у вас в конце абзац начинается: „Пусть знает международный капитал, что...“, мы его поставим в начало. А в конец—первый абзац: „Наши враги должны оставить мечты о торжестве...“ А середина...

— Заметят! Что вы делаете!

— А кто же передовую читает? Впрочем, как хотите. Вы пишете об английских делах, мы их переделаем на итальянские... Дайте карандаш...

Я, подчиняясь гипнотическому влиянию неожиданного помощника, передаю ему карандаш. Он, не торопясь, заменяет в статье слова „английский“ словами „итальянский“.

— Видите, совсем новая статья. Даже кому вздумается прочесть, ничего не заметят. Теперь телеграммы.

Быстро скользя близорукими глазами по вчерашнему номеру газеты, он вырезает десяток телеграмм...

— Мы так сделаем: „Предательство социал-вождей“ перенесем из Германии, ну, скажем, в Бельгию... „Забастовку в металлургической промышленности“—в Германию... Во Франции устроим снежный занос...

— Позвольте...

— Чего там позволять. Что вы думаете, вашу газету будут во Франции читать? Вот вам первая страница. На эту страницу вниз—фельетон. Я сам сейчас напишу... Впрочем, зачем писать,—у меня в кармане десяток... О местном базаре... правда, города Тулы,—ну, да и у вас такой же.

Я сидел, моргая глазами, и на все соглашался. На вторую страницу вклеили старую речь Молотова, на третью — отчет о каком-то съезде не то нынешнего, не то прошлого года, при чем мой помощник ежеминутно уверял меня, что прошлогоднее всегда свежее.

— Ну, а местная жизнь?—ехидно спросил я.

— Местная жизнь? — не задумываясь, ответил он:—да ведь это самый легкий отдел! Мы его так составим, что он заиграет... Есть у вас телефонная книжка?

Я молча подал ему телефонную книжку. Он быстро перелистал ее, останавливаясь на названиях заводов, фабрик и мастерских.

— Прачечная Завитушкина—пишите, а я буду диктовать:

„Долго ли наши хозяйчики будут эксплуатировать трудовые пот и кровь рабочего класса в виде прачек, задыхающихся от условий охраны труда... заставляет работать по шестнадцати часов в сутки, а на наши заявления отвечает: „Выброшу вас на улицу — будете знать“. Подпись: „Прачка Кузьмина“... Нет, лучше просто—„Работница“...

— Позвольте,—возразил я, отрывая карандаш от бумаги:—а если...

— Что если?.. Вы думаете, что ваш Завитушкин такой уж замечательный человек, что не эксплуатирует рабочих?.. Пусть почешется, ничего... Ситце-набивная фабрика имени товарища Калинина... Заголовок: „Когда же исправят вентиляторы... В таком-то отделении“—сделайте пропуск для отделения, после справимся — „рабочие задыхаются от пыли... где исправить прежде всего вентилятор — в таком-то отделении, или голове старшего мастера...“ Видите, даже с крепким рабочим юмором заметочка...

— А если у них...—пытаюсь слабо возразить я.

— Пусть почешутся... „Металлургический завод... бак с кипяченой водой“...— „Хороши также порядочки в механической мастерской в отношении снабжения инструментом... купленные администрацией“, — спросите у наборщика, что именно там может быть куплено,— „оказались негодными, и в то же время заплачена такая цена“... Вот вам и рабочая жизнь. Теперь коротенькие заметки под названием: „В три строки“. Ну, тут уже мелочи. „Когда же прекратится хулиганство у пивной номер два“... „Клубная работа хромает на фабрике“... „Следует заглянуть саннадзору в столовую номер четыре“.

И на мои сомнительные покачивания головой неизменно возражал:

— Пусть почешутся... Вы против того, чтобы саннадзор заглянул в столовую? А еще редактор.. Да вас завтра на руках будут носить... Успех будет... небывалый...

Я, признаться, побаивался небывалого успеха. А он все строчил и строчил.

— „Жизнь деревни“... „На праздниках“... Посмотрите календарь... „В нашей волости зарезано трое...“— „Преследование селькоров“. „Пришли машины, а запасных частей нету... винтика в головах“... — грубый крестьянский юмор. Подпишите: „Селькор Глаз“.

Через двадцать минут и четвертая полоса была закончена, не забыт даже отдел происшествий, при чем на Глазовской улице оказался раздавлен-

ный мальчишка, а на Пролетарке кража вещей из квартиры. Объявления, подпись ответственного редактора,—и газета готова.

Неожиданный помощник исчез с пятьюдесятью рублями в кармане и с неизменным:

— Пусть почешутся...

А я остался один со своими горькими размышлениями. Но что лучше, думал я, не выйдет газета совсем или выйдет в таком виде? Если не выйдет—скандал, а если выйдет... опять скандал? Почему я не смогу сослаться на репортера? Пьяница известный... Пусть почешется...

Ночь я спал очень плохо. Мне снились всякие неожиданности. Администрация фабрики привлекает меня за клевету в печати, комитет рынка, который я обвинил в нерадении к очистке мусора, тоже жалуется на меня в исполком, все эти многочисленные хулиганы с фамилиями Иванов или Петров—тоже стоят под окнами редакции и грозят мне кулаками:

— Мы тебе...

Ранним утром я выбежал в редакцию и, сидя в кабинете, чутко прислушивался к телефонным звонкам. Позвонят из губкома о прошлогодней речи вождя, позвонят еще там откуда о телеграммах из-за границы...

Девять часов. Газета уже получена подписчиками. Сейчас начнутся звонки... Десять часов... звонок. Я чуть не в обмороке, хватаюсь за телефонную трубку.

— Алло. Редакция... Ситценабивная фабрика.
Я в ужасе. Я еле стою на ногах. Директор
фабрики—видный коммунист...

— Напишите в отделе „Газета помогла“... Вен-
тилятор исправлен...

Слава тебе... Прошло...

Опять сижу и жду. Двенадцать. Час. Два. Ни-
каких звонков. В три заходит знакомый.

— Сегодня у вас интересная газета... Главное—
густота. Местная жизнь...

• Я молчу. Четыре часа. Сейчас конец—больше
никто не позвонит. И ровно в четыре тревожный
вопрос из местной милиции:

— Почему у вас мальчик раздавлен не на той
улице?

ОТЧЕТ

Илья Худеков, культработник села Тетюши, с тяжелой после вчерашней свадьбы головой, сидит за столом и составляет месячный отчет о работе. Работа не клеится.

— Первое число на носу, а что напишешь?— думает он.—А тут еще голова трещит...

И было отчего трещать голове, так как на свадьбе, хотя женился местный избач, и притом по советскому обряду, было выпито целое ведро чистейшего первачу. Да голова головой—написать отчет особенной головы не требуется, а дело в том, что вообще Худеков в этом месяце основательно завертелся. Уж не говоря о свадьбе, которая заняла всю последнюю неделю, на прошлой неделе приезжал к Худекову старый приятель, тоже культработник, только из соседней волости. Встретились, поговорили, а очнулся Худеков в соседнем селе и опять с тяжелой головой...

Худеков перебирал день за днем, восстанавливая в памяти все дела и события минувшего месяца. Да, выезжал с докладом, только слушателей

было раз-два и обчелся, пришлось доклад отменить.

— Почему не пришли?—спросил Худеков.

— Свадьбу пошли смотреть, наш кулак дочку замуж выдает.

„Вот она, кулацкая-то опасность!“ — подумал Худеков и сказал:

— Товарищи, с кулаками бороться надо, а вы их свадьбы смотрите. Нехорошо!

План составлен на весь месяц. Выполнить план не удалось, зато этот план на другой месяц пригодится. А, все-таки, надо писать отчет...

Худеков то вставал из-за стола, прохаживался по комнате, то опять садился за стол, а отчет не шел дальше первых слов:

„В текущем месяце мною были сделаны шаги к введению начал плановости в культурную работу, в каком смысле и составлено календарное расписание...“

— А дальше что? Выезд с докладом?... Но ведь доклад не состоялся?

Худеков прошелся по комнате, посмотрел в зеркало, отразившее заспанное, помятое лицо, посмотрел на календарь:

— Тридцатое число, не отвертись... А, впрочем, все равно. Напишу.

Он оживился, и перо быстро запрыгало по бумаге:

„Во исполнение намеченного плана устроен был доклад и собеседование, которое было со-

рвано местным кулацким элементом, что дало мне повод развернуть собеседование о борьбе с кулачеством, встреченное довольно сочувственно...“

За стеной заиграла гармошка. Худеков вышел в коридор и закричал:

— Эй, кто там! Мне работать мешаете!

Гармошка умолкла.

— Что же, все-таки, дальше?.. Да, встретился с приятелем... Выпили... Нельзя же об этом писать... А почему, собственно, нельзя?..

Перо опять запрыгало по бумаге.

„В целях согласования планов культработы вошел в контакт... (очень хорошо—в контакт) с работниками соседней волости, при чем употребил три дня на поездку, за какие следовало бы выдать суточные, а равно и возместить произведенные расходы...“

— Здорово!—удивился своей находчивости Худеков. — Чуть не половину жалованья на эту поездку ухлопал, хоть бы что-нибудь получить... А дальше?.. Дальше свадьба... Как ты про нее?.. Но ведь свадьбу устраивал избач и по советскому обряду,—отчего ж не написать?

Перо опять расходилось.

„Четвертое: проделан опыт внедрения (вот хорошо, именно—внедрения) начал нового быта в вековой и мрачный уклад деревни, что и выразилось в устройстве красной свадьбы, для какой была произведена увязка (отлично—увязка) с местным же избачом... В-пятых...“

Он призадумался. Вспомнилось, что на свадьбе он поругался с дьяконом, который тоже был в числе приглашенных, как родственник невесты, и дело дошло до того, что их пришлось разнимать...

— А почему об этом не написать?...

Получилось совсем не плохо:

„В-пятых... в целях рассеяния деревенской темноты, в смысле антирелигиозной пропаганды, вступил в дискуссию с местным священнослужителем, не сочувствовавшим красной свадьбе...“

Опять застыло перо. Тут бы хорошо шестой пункт — и вся страница заполнена, отчет готов. Только где возьмешь этот пункт?

В соседней комнате завозились ребятишки.

— У, черти, мешают!

Худеков опять выскочил в коридор:

— Эй, вы! Чем бы книжки читать, что вы делаете? Потише!

И тотчас же взялся за перо:

„И, кроме того, во внеплановом порядке, вел беседу с детьми школьного возраста, предлагая им заменить бессмысленные развлечения широкой культурной работой над самообразованием в смысле внедрения (очень хорошо, второй раз—внедрения) начал ленинизма...“

Теперь только подписаться, поставить число — и отчет готов.

ШЕФ

Ответственный работник Хошьнехошьтреста Абрам Еремеевич Шпарин проводил время отпуска в доме отдыха, верстах в пятидесяти от города. Отдыхать хорошо день, хорошо отдыхать два дня,—а потом становится и скучновато.

— Дай-ка, я с деревней ознакомлюсь,—решил Шпарин.—Изучу! Наши бюрократы сидят тут же рядом, а не догадаются. Польза-то какая! Докладик можно составить. Назначеньице новое получить... Платная комиссия какая-нибудь сейчас тебя: „Вы, Абрам Еремеич, специалист...“ Хорошо...

Не откладывая дела в долгий ящик, Абрам Еремеич немедленно начал изучать деревню.

С одним потолковал:

— Сохой, небось, пашете? Машины бы завели,—сказал он.

— А ну их, машины! — ответил мужик: — завели было, да сидим с ними, маемся... Поломали с непривычки-то, а чинить некому. Из города мастеров звать—никто не поедет, в город машины везти—накладно...

Абрам Еремеич тотчас же догадался: „Тут бы шеф мог помочь. Что для него стоит мастера на день, другой прислать? Пустяки. На то он и шеф“.

— Есть у вас шеф?—спросил он.

— А кто ж их знает,—может, и есть. Да нам-то от этого не легче...

С другим потолковал:

— Дороги-то у вас, небось, плохие? Починили бы.

— И починили бы, да нас какой-то фрукт отговорил. Городской фрукт. „Мы, говорит, вам поможем. Мы, говорит, вам все устроим“. Почитай, два года ждем,—а он и весточки не шлет...

— Шеф, что ли?

— Известно,—они все такие... Ненашинские...

„Вот тебе и материал для доклада,—сообразил Абрам Еремеич:—о работе шефов... Что бы шеф мог сделать и чего он не делает...“

В волость зашел.

— Шеф? Как же, как же,—у нас шеф имеется... Что мы, некрещенные, что ли, без шефа жить. Как люди, так и мы...

— Нельзя ли его увидеть?

— А на что он вам? Он, слава те, у нас редко бывает. Все больше в городе сидит. Да и лучше. Придет в вик—и давай приставать: „То у вас не так, это не эдак“. Беспокойный человек. А прогнать нельзя—он в амбицию: „Я, говорит, вам должен помогать в вашей работе... Я, говорит, представитель шефотделения. Я, говорит, к вам

командирован. Я, говорит, за это жалование получаю...“

„Эге,—подумал Абрам Еремеич:—шефкомиссии посылают в волость негодный элемент, по-бюрократически понимающий свою задачу“, — составлял он в уме проект будущего доклада.

— А любопытно узнать, кто у вас шефствует... Какое учреждение?

Все делопроизводители вика занялись в спешном порядке отыскиванием названия этого учреждения. Не больше, чем через полчаса, название это было найдено:

— Хошьнехошьтрест!

Абрам Еремеич рот раскрыл от удивления.

— Наши же голубчики... Ну и ну!.. Уж и подтяну же я их! Уж я с ними посчитаюсь!

* * *

По приезде в город, Абрам Еремеич первым делом взялся за шефкомиссию.

— Есть у нас такая?

— Как же, — ответили сотрудники, — есть. Каждый месяц мы взносы делаем... Кабы комиссии не было, не делали бы взносов... Значит, есть.

— А кто в нее входит? Где тот человек, который взносы собирает? Позвать сюда!

Взносы собирал курьер.

— Я что ж,—сказал он, увидев сердитое лицо начальника:—я свое дело делаю... Соберу деньги и, куда надо, сдам... Вот и квитанции...

— Я не про то,—возразил Абрам Еремеич:— собирается когда ваша комиссия?

— Собиралась в прошлом году, а теперь нет. Значит, не надо, что ли... А я уж это сам от себя стараюсь. Тамошний я—надо же помочь...

— А кто у вас председатель? Он почему не работает?

Курьер замаялся, посмотрел на сердитое лицо Абрама Еремеича и тихонечко прошептал:

— Не знаю...

— Не знает!—возмутился Абрам Еремеич.— Он не знает... Кто же знает тогда? Сейчас же выяснить.

Курьер на минутку вышел из кабинета, о чем-то пошептался с приятелем, при чем Абрам Еремеич сам слышал, как приятель громко сказал: „А тебе чего! Скажи!“

— Знает, а не хочет сказать, — думал Абрам Еремеич,—только скажи! Уж я этого председателя и подтяну! Уж я ему и настрочу!.. Шутка ли,— послал какого-то дурака в волость, а сам хоть бы палец о палец! Будет он знаты!.. Уволю!.. Прогоню!..

Курьер нерешительно вошел в кабинет.

— Что? Узнали?

— Извините,— еле слышно пролепетал курьер.— Так что я могу сказать, извините... Что председатель, извините, комиссии... вы... извините...

— Я!?

Абрам Еремеич побагровел:

— Я! — продолжал он громовым голосом: — а что же вы смотрели? А что же вы не сказали мне до сих пор, что я председатель? Для чего же вы тут сидите? Жалованье за что получаете? А? Да я вас! Да я вам!

Курьер стоял ни жив, ни мертв и только чуть слышно шептал:

— Да я думал, вы заняты... Да вы же в прошлом годе сказали: некогда...

— Вы, вы! — передразнил его Абрам Еремеич. — Завыкался. Идите, уж...

И про себя прошептал:

— То же, насажают тебе тут всяких бюрократов, а ты за них отвечай...

МЕХАНИКА

Механика — великое дело, и мы понимаем, что где-нибудь там, за границей, в Америке, что ли, этаким миллиардер Ундервуд без механического ножа за стол не садится. А еще там какого-нибудь сверхмиллиардера Ремингтона сам президент на парадном приеме в электрическое кресло усаживает... На то у них и Америка.

А мы, слава богу, не в Америке живем. Мы до электрических стульев не додумались—на простых сидим. У нас даже какой-нибудь телефонишка, и тот за культуру ходит. Некоторые им даже пользоваться обегают: то занято, то барышня спит, то выразиться как следует нельзя. Для нас и такая культура не подходит.

Климат, что ли, другой? Не знаю. Только иной раз получается совсем даже позорно для всей культуры.

Директор наш, например:

— Замечательная, говорит, штука в Америке изобретена. Телефонограф. Знаете, что это такое? Нет, не знаете. Американское механическое при-

способление для директорских разговоров. Машина такая. Вот бы нам завести!

В подробности все объяснил, как в Америке с такой машиной управляют. Сидит, скажем, директор в своем кабинете и без этой машины должен ежеминутно курьеру кричать:

— Иванов,—к примеру,—позовите Никифорова!

Курьер бежит за Никифоровым на шестой этаж—телефон, понятно, не работает. Никифоров с шестого этажа бежит к директору на второй:

— Чего изволите?

Директор ему говорит:

— Никифоров, вы не забыли меня в список на дрова поставить?

— Как же забыть, что вы!

А через минуту директор опять курьера требует:

— Иванов! Позовите Сидорова!

Сидоров прибегает с восьмого этажа. А пока за Сидоровым бегали, директор забыть успел, зачем звал.

— Не помню, скажет, зайдите через полчаса.

Почему ж деловому человеку не забыть? Забыл!

Сидоров бежит обратно на восьмой этаж, курьер его на лестнице догоняет:

— Идите обратно. Требуется!

Директор, оказывается, вспомнил:

— Мы вас, Сидоров, с первого числа увольняем.

У Сидорова, понимаете, поджилки дрожат. Роба у него куксится. Говорит самым противным голосом:

— Как же так? А за что? Да ведь я...

Легко ли директору такой разговор перенести? Да ведь он, Сидоров, может нехорошим словом обругаться! Неприятно директору.

А в Америке совсем не так. Там сидит какой-нибудь этакий миллиардер Смес-Премьер и никаких рож не видит. Распоряжается в машину, машина распоряжение записывает, и вся недолга. А потом подходит к машине этакий американский деловод Сидоров, а ему из машины миллиардерским голосом:

— С первого вы уволены!

Ругайся про себя последними американскими словами, а директор не слышит. Нету его.

Хорошая машина.

Директор наш ночей не спал, дожидался, когда эта машина придет. И вот пришла. В разобранном виде. Мастер является.

— Соберешь?

— Что вы, помилуйте, мы даже самопишущие перья чинить можем...

Месяца два возился, все собирал. Сколько одного спирта ушло—без промывки, говорит, ничего не получится. Машина заграничная, дорогая. Кнопки одних в ней штук пятьдесят, а про винты да гайки и говорить не приходится. А, все-таки, собрал. Поставил в кабинет директору. Директор приезжает—радуется:

— Наконец-то, говорит, и у нас заграничная механика. Не как-нибудь.

Весь день в кабинете сидел и курьера не тревожил. Вздумается что, сейчас в машину:

— Никифоров, не забудьте меня в список на дрова поставить.

— Сидоров, с первого вы уволены.

— Марья Петровна, не зайдете ли ко мне вечером поработать? Машинку можно не брать. Не пригодится.

Словом, все самые нужные распоряжения. Сказал в машину—и уехал. А к вечеру все мы приходим в кабинет слушать. Открываем, какие там валики. Кнопку нажмем. Ручку вертим.

Зашипело что-то в машине, закудахтало. Слушаем—ничего не разберем. Вертим так, вертим эдак. Мастера позвали.

Мастер говорит:

— А, может, она русского языка не понимает. Я-то при чем?

До вечера бились, и так чинили, и эдак перечиняли, а до дела не дошли. Не работает и все тут.

Утром является директор:

— Все исполнено? Почему Марья Петровна не пришла?

Мы ему и то, и се: не работает, мол, машина, не желает по-русски говорить, нутро у нее, что ли, американское... А он наши слова в соображение брать не хочет:

— Чтобы завтра же было все в исправности!

А мы что ж тут поделаем? Не наша вина. Приходит он назавтра, мы ему:

— Починили,—говорим,—действует...

Поставили к кабинету одного—стой и слушай. Директору какое распоряжение в голову придет, он в машину. А человек за дверью стоит, слушает, да на ус наматывает, да нам докладывает:

— Так, мол, и так... Чтобы все было сделано.

Директор на утро является:

— Исполнено?

— Все исполнено!

Очень доволен остался. Радовался весь день.

— Не зря, говорит, Америка додумалась. Не зря!

Три недели так жили. Он в машину днем говорит, а наши ребята по череду у двери слушают. И директор доволен, и мы довольны. И машина имеется, и культура, и работа не стоит. Очень хорошо.

Только вздумалось как-то директору в неурочное время явиться. Срочное дело, что ли, или попросту блажь нашла,—только он распоряжение дает, а за дверью никто не слушает. Ушли все.

Является на утро:

— Исполнили?

А мы и не знаем, как и что. Директор кричать. Тут уж нам поневоле пришлось повиниться. Было делов!.. Хорошо, что директор у нас не злой. Рассказали ему все по-порядку, а он сам рассмеялся:

— Чорт с ней, говорит, и с машиной. Мы и без нее проживем. Словесно распоряжаться буду.

Словесно-то, действительно, много удобнее. Быстро.

— Иванов, зовите Сидорова!

Сидоров на всех парах летит:

— Сидоров, вы уволены!

И конец. Безо всякой машины.

Машина, выходит, и не нужна. Одна волокита. Поставили ее в коридор. Из коридора на лестницу вынесли. С лестницы, чтобы не мешала, в сарай. В сарае и до сих пор стоит, продается. Сам директор покупателей водит:

— Смотрите, говорит, какая прекрасная штука!

Покупатели валики вертят, интересуются.

— Хороша. В Америке где-нибудь здорово она нашу должность облегчает.

— Еще бы,—директор-то отвечает,—купили бы? Не пожалеее.

Покупатели головами покачивают:

— А на что нам? Мы и без нее можем,—у нас не Америка...

И не возьмут.

Да и, по правде, на что нам она? В Америке, может, от нее и есть польза, а у нас вред один.

Климат у нас неподходящий, что ли?

МЕЛОЧИ

Я вполне понимаю, что у нас, можно сказать, великие дела делаются, что мы, собственно говоря, миру пример показываем, что масштаб у нас в своем роде международный, я против этого, понимаете ли, и не возражаю. Я только маленькое к порядку замечание сделать хочу, что иногда и на мелочи внимание обратить не мешает.

Забывать, понимаете ли, про мелочи не надо, вот что.

А у нас это не всегда учитывается.

Я, например, спорить никогда не буду, что борьба с волокитой и бюрократизмом, в общем и целом, огромное дело. Что нам, понимаете ли, с этим злом не мешает, отчасти, покончить. Я понимаю, что об этом можно доклад на собрании поставить и ораторам, понимаете ли, высказаться, что каждый из них об этом в своем роде думает. Я даже приветствую, что надо в канцелярию своего человека поставить, в известной доле от станка, чтобы он борьбу проводил и в общем, и в целом.

Только вот если выборы на самый последний момент откладывают, когда публика, понимаете ли, домой торопится,— это нехорошо. И если предлагают выбрать какого-то там Антропкина потому только, что он, видите ли, первым на глаза докладчику попался,— с этим я тоже отчасти не могу согласиться.

А у нас было так. Я, знаете ли, даже слово взял: — Позвольте, говорю, товарищи, высказаться. Я, говорю, товарищи, против Антропкина ничего не имею. Потому что я, говорю, товарищи, этого Антропкина и в глаза не видал. Я, говорю, товарищи, и не знаю, что такое этот Антропкин и в общем, и в целом!

Тут меня докладчик, понимаете ли, остановил: — Мелочь, говорит, товарищ! Кто у нас будет волокитность уничтожать, Сидоров ли, Петров ли— это, говорит, все равно. Ставка, говорит, все одно в среднем размере заработка. Я, говорит, тоже, в известной доле, Антропкина вовсе не знаю, а важно, что он отчасти, говорит, от станка.

Я смолчал. А меня еще другой оратор укорил: — Есть, говорит, такие люди: в большом деле палку в колеса вставляют. Людям, говорит, надо ужинать итти, а они с мелочами. Стыдно вам!

Я опять смолчал. Мне, понимаете ли, и верно, отчасти стыдно. Выбрали Антропкина поднятием рук, в некоторой доле единогласно. Сидит он в канцелярии и с волокитой в общем и целом борется. Хорошо.

А мне, понимаете ли, как раз удостоверение понадобилось. Дочка у меня, видите ли, умерла. Иду в канцелярию к товарищу Антропкину, говорю:

— Нельзя ли, понимаете, бумажку...

А он, видите ли, руками машет в общем и целом, наподобие мельницы.

— Товарищ, — кричит, — с чем мы боремся? С канцелярщиной, говорит, боремся. Волокиту, говорит, уничтожаем. Бумажки, говорит, сокращаем. Нельзя, говорит.

Я, понимаете ли, рад бы смолчать. Я, понимаете ли, сам против волокиты. Только ведь дочка-то умерла. Хоронить-то ее, в известной степени, надо.

— Это, говорит, мелочь. У нас, говорит, все дела в международном масштабе.

Я и сам, видите ли, понимаю, что мелочь.

— Только как же, говорю, можно живую душу без погребения оставить? Что ж, говорю, мне ее, в общем и целом, собакам выбросить?

А он упирается:

— Я, говорит, из-за вас принцип не нарушу.

А мне без удостоверения нельзя. Я, понимаете ли, в завком иду.

— Мелочь, говорю, понимаете ли, а нельзя.

Антропкина в завком зовут:

— Выдай, говорят. Чего ты артачишься?

А он побледнел, видите ли:

— Что ж, говорит, я не против. Я выдам.

Я ему бумагу, перо, чернильницу подставляю.

— Черкни, говорю, а там, говорю, канцелярия все обмозгует.

Он, понимаете ли, и перо взял, и бумагу к себе придвинул, и, в своем роде, понимаете ли, задумался.

— Товарищ, говорю, я жду!

Он вертится, как мышиный хвост, понимаете ли.

— Так, говорит. Бумажку, говорит. А, может быть, говорит, и без нее обойтись можно? Может быть, говорит, до завтра подождешь, а я ее дома обмозгую?

Тут уж я совсем рассердился.

— Товарищ, говорю, ты палку в колеса вставляешь. Ты, говорю, волокиту разводишь... Ты, говорю, в своем роде бюрократ.

Накричал на него.

Он, видите ли, даже на стуле заерзал. Он, видите ли, даже покраснел словно бы.

— Вы, говорит, товарищ, не злитесь. Только я не могу вам бумажку написать. Никак, говорит, не могу. Политграмоту, говорит, я в общем и целом прошел, а до простой грамоты, говорит, пока не добрался. Некогда, говорит, было. Так что я, говорит, в общем и целом, писать совсем не умею.

Что ж тут поделаешь? Ошибочка, понимаете ли. На ошибках мы только и учимся. Мелочь — я соглашаюсь.

Только вот что скажу: не хорошо, все-таки. Не ловко отчасти. Внимание, иной раз, и на мелочи обращать не мешает!

НЕСЧАСТЬЕ „СЕЛЬКОРА“ ПОЛУШКИНА

Селькор Ваня Полушкин, пишущий в местной газете за подписью „Зоркий глаз“, сегодня расстроен: на-днях послал он в газету две заметки: одну под названием „Председатель—друг богачеев“, о том, что председельсовета был на крестинах у местного кулака и напился пьяным, и другую под заголовком „Скоро ли рассеется религиозный дурман“—о заведующем кооперативной лавкой, который женился на дочери попа, хотя и по советскому обряду. На обе заметки в почтовом ящике газеты был ответ: „Зоркому глазу: Не пойдет. Пишите о более важных фактах“.

— А где их возьмешь, важные-то факты? — сердито размышлял Полушкин.

И верно: в последнее время в селе Первачи, в котором проживает селькор Полушкин, затишье. Председатель изредка выпивает, но не до бесчувствия, взяток не берет, особенной волокиты не устраивает. Кооператив торгует через пень-колоду, но об этом Полушкин уже писал, а растрат или каких-либо злоупотреблений давно не

было. Хулиганство есть, но тоже неважного качества: пошумят ребята, поскандалят, окно разобьют—и все.

— Поважнее! Из пальца, что ли, высосешь поважнее-то?—сердится Полушкин.—Что случается, о том и пишу...

Он нахлобучивает шапку и выходит из избы. Каждый день он обходит деревню: не случилось ли чего. Крестьяне давно знают о его селькорстве и сами делятся новостями.

— Глаз у меня распух,—сообщает ему соседка, стоящая с полными ведрами у ворот своей избы:—Уж так распух, так распух...

Новость эта известна давно всем деревенским бабам.

„Глаз болит,—думает Полушкин.—Ага!“

— К знахарю пойдешь?—спрашивает он.—На том конце Агафошка Кривой здорово лечит!..

Сердце Полушкина радостно прыгает: „Наша темнота и невежество. Еще не понимает темная деревня, что всякие колдуны есть одно обдирательство доверчивой темноты. У нас имеется один такой по прозвищу Агафон Кривой...“—составляет он в уме новую заметку.

Соседка засмеялась:

— Что ты! К Агафошке пойду, когда больница рукой подать?..

Полушкин идет дальше. Изба председателя сельсовета. Семен Шалый, местный пьяница, стоит

у ворот председателевой избы и пересчитывает засаленные бумажки.

— Пропиши про нашего председателя,—обращается он к Полушкину.

„Взятка“, догадался тот. „Наш председатель сельсовета села Первачи известный любитель выколачивать с бедного народа всякую добровольную мзду... не мешало бы подтянуть...“

— Пропиши, будь друг,—пристает Шалый. Только тут Полушкин замечает, что Шалый пьян.—Запретил председатель, щучий кот, самогонку гнать—нигде не достанешь, боятся! А на горьковку и нехватает...

— Дурак!—выругался про себя разочарованный Полушкин.

„Может быть, изба-читальня на замке?—Не избач, а настоящий ловкач,—складывается в голове у Полушкина:—„Наш избач больше занимается волокитством с дочерью местного кулака, и когда придешь после трудового дня, то увидишь...“

Но изба-читальня оказалась открытой.

— Ишь ты, чорт!

Пожилой крестьянин у ворот своей избы пробует новый плуг.

— Что? Небось, плоховат?—спрашивает Полушкин, снова обольщенный сладкой надеждой:— „Лицом к деревне. Скоро ли наши заводы научатся выполнять этот лозунг...“

— Ничего, попался изрядный...—отвечает крестьянин.

— Сволочи!—ругается Полушкин и идет домой.

Дома он перебирает в памяти все случаи, происшедшие на неделе, и отчаянно грызет и без того изгрызанный карандаш:

„У Феклы теленок мертвый родился... У Аникея собака издохла... Милицейский вчера пьяный был... Председатель...“

„Нет, все неважно!.. Подавай важнее!.. А где взять?“

— Вань, а Вань,—кричит с улицы матка,— в кооперативе...

— „Ага! Растрата! — радуется Полушкин и спешно строчит: „Растратчиков—вон из кооперации! В нашем кооперативе есть такой фрукт Авдеев Илья, очень оборотистый, что все село вокруг пальца обернул, обещав золотые горы, и вот вместо того...“

— Вань! Оглох, что ли? Иди скорей, в кооперативе сукно получили! Возьми, коль хошь, на штаны, а то все разберут...

Ваня не радуется и новым штанам. Он комкает бумагу с начатой заметкой:

— Даже растратить не могут!..

„Ну и проклятая дыра,—думает он по дороге в кооператив,—хоть бы проворовался кто... Хоть бы взяточника в председатели выбрали... Ведь бывает же в других местах... А у нас что? Праздник был, и никого не зарезали!..“

И посылает, неизвестно, по чьему адресу, короткое:

— Сволочи!

НАУКА

Вороватый нынче народ пошел. Слов нет. Особенно нашего брата-мужика ни к чему подпустить нельзя. Ты самое, что ни на есть, дерьмо без призора оставь—он и дерьмо возьмет:

— В хозяйстве, мол, пригодится.

Вор народ... Многие говорят: оттого это, что суды слабые. А я не скажу этого—суды, как и должно быть. Нельзя же, в самом деле, всех в исправдом сажать—кто-то, ведь, и работать должен? Тут не в судах дело, а единственно разве что в нашем народе никакого понятия ни об чем нет.

Все, по моему, от недостатка культуры.

* * *

Стою я как-то у ворот, к телеге новое колесо прилаживаю. Дело зимнее, а известно, с зимы не приготовь, весной и выехать не на чем будет. Стою, работаю... Тимоха Карякин бежит.

— Эй, Митрий, идем! В совхоз какую-то штуковину приволокли.

Я телегу бросил — бегом. Даже спросить не успел, что за штукавина такая. Одно понятно — для баловства никакую штуку в совхоз не привезут, а ежели привезли что, значит — для науки. А для науки — отчего ж и не посмотреть?

Прибегаем с Тимохой, а там толпа у ворот. Сторожа спрашивают:

— Пропусти, Егор Ефимович...

— Не велено! Еще сопрете что...

Я тут обиделся:

— Как же так, — говорю, — сопрем? Какое ты право имеешь такие слова говорить? Что ты у барина, что ли, служишь? Вытряхнем, кричу, из тебя барскую закваску!..

Народ, понятно, весь за меня. Заведующий на шум пришел. Мы к нему:

— Пропусти, Антон Евграфыч... Для науки мы...

— Знаю, — говорит, — вашу науку. Пустишь, а потом чего-нибудь ихватишься.

— Да что ты, Антон Евграфыч... Разве ж мы не понимаем...

Уговорили. Впустил.

Действительно, видим — наука! Всех коров со двора на воздух повыгнали, а работник с какой-то машиной вокруг каждой коровы ходит и чем-то опрыскивает.

Заведующий объясняет:

— Ну, вот, граждане, — машинка эта называется пульверизатор...

— Цыкалка, по-нашему, — говорю.

— Все равно, пусть и цыкалка! Только на скотине, бывает, заводится червь, а мы этого червя таким манером выводим... Поняли?

— Поняли,—Тимоха Карякин говорит,—у самих скотина от червя мается! — а сам, вижу, бочком, бочком, да к сараю протискивается. Не мое дело—молчу.

— А вот жидкость эта называется раствор мышьяка. Мышьяк—страшный яд, от одной ложки человек дохнет, а много ли его для червя надо?

— Ишь ты, ведь, как, — говорит Андрюха Косой.—Придумают тоже!

А сам, смотрю, тоже бочком, бочком, да к сараю.

— Ученые люди — они дойдут, — парень один говорит, — и тоже, вижу, к сараю. А я не пошел. Зачем мне? Сопрут что, а я—отвечай!

— Какой,—спрашиваю, — этот мышьяк из себя будет?

Заведующий выносит пакет, а я к нему. Руку в пакет сую. Заведующий мне:

— Чего вы руками-то лезете — не видите разве?

— Как же, — говорю, — можно наглаз такую штуку понять? Русскому человеку нельзя не пощупать...

Пощупал и отошел — другим надо место уступить.

Тимоха подскакивает:

— Что там такое?

— Ты бы,—говорю, — в сарае дольше торчал.
Чего достал-то?

— Семечки,—говорит.—Хочешь?

— Куда их! Мне чужого не надо...

— Не хочешь, и сам съем... А там что показывают? Порошок? Дай-ка и я посмотрю...

Андрюха из сарая явился — тоже с семечками. Парень пришел — тоже, гляжу, все карманы отвисли.

Мне-то что? Я свое дело знаю,—с заведующим разговариваю:

— Мышьяк-то,—говорю, — это очень хорошо. Пользительно. Только где такую цыкалку достать?

— У фельдшера попросите. Даст. И я бы дал— да, ведь, зажилите...

— Как же это так,—говорю.—Не воры мы!..

— То-то ж, — отвечает, — не воры — пришли будто бы без семечек, а теперь, гляжу, все семечки лускают...

Смотрю, а у всех уж семечки.

— Без понятия, — говорю, — народ. Оттого и лускает.

Выходим за ворота — и пошло хвастовство. Какие тут семечки!..

— Я,—Тимоха кричит, — вон какую загогулину достал. Смотрите!

Гляжу — у него в руках железина, вроде как дверная ручка.

— А на что,—говорю,—тебе?

— Людям была нужна, и мне пригодится.

Андрюха Косой какую-то машину в сарае нашел. Цельная машинка, непорченная, только не поймешь, к чему она нужна.

— Зря валялась, а мне по хозяйству пригодится!

Парень говорит:

— А у меня семечек полный карман!

— Что там семечки? Семечки у всех есть.

А я молчу. Зачем мне хвастаться? Нечем хвастаться, коли чужое добро украли. Не поздоровится от этого.

Оно так и вышло.

Только к деревне подошли,—бабы навстречу.

— Чего принесли? Что там такое?

Да как расхохочутся. Да на Тимоху:

— Что это у тебя, Тимофей? Губы-то!..

Смотрю — а у него губы так раздуло, и носа не видать! На Андрюху смотрю—и у него то же. У всех... Известно, без понятия народ. А я понял и говорю:

— Семечки-то, небось, ели? А рука-то в чем? В мышьяке!

Тут только и раскусили. Семечки на землю и ругаться:

— Ну, и совхоз! К ним идешь за наукой, а они этакое...

— Совхоз, — говорю, — ни при чем. Сами виноваты. А наука вам уже есть! На чужое добро не зарься.

Тоже, действительно. Не видали сроду — семечки! На такое дерьмо позарились! Тьфу! И еще про них же скажут: жулик народ.

А они просто—без понятия. Что в них толку-то — в семечках? Уж если брать что—так мышьяк надо было брать. За ним, небось, в город ехать надо. Его, небось, еще нашему брату и не продадут. Кто поумнее, да с понятием, тот так бы и сделал: на мышьяк бы внимание обратил.

Вот я, например. Я, конечно, молчал, а все-таки две горсточки мышьяку взял на пробу. Для науки, понятно. Хочу посмотреть, хорошо ли эта штука против червя действует...

А они набросились—семечки!

Все это, по моему, от недостатка культуры.

НЕСОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Много еще в нас осталось этой самой несознательности. Нашего брата, рабочего, взять—и то: который понимает, что к чему, а которому кол на голове теши, а он ничего не поймет и все на своем упирается. Культурная работа, например,—уж на что полезное дело. Серьезное дело, я бы сказал. Люди, небось, не для смеху бьются. Люди, можно сказать, ночей не спят, что бы такое нашему брату, рабочему, покультурнее преподнести.

И я это вполне понимаю. Я прихожу в клуб—знаю, что от меня требуется. Сяду на свое место и сажу тихонечко. Тут мне и доклад прочтут, тут мне и волшебные фонари, а то даже что-нибудь революционное споет кто, либо расскажет что-нибудь этакое просветительное.

Я понимаю, что это надо,—и слушаю. Скушно иной раз, а виду не подаешь. Если даже и зевнуть захочется, и то осторожненько отвернешься, чтобы оратор не заметил. Надо же в соображение взять, что люди тебя же самого, и бесплатно вдобавок, культурностью просвещают.

А многие этого в ум взять никак не могут. Мой же приятель Гребешков,—уж, кажется, вместе в одном цехе работаем,—а в нем совсем этого сознания нет.

Сидим как-то раз вместе с ним в клубе,—вечер-то выдался хороший,—не какое-нибудь там международное положение, а настоящий вечер, живой. Заведующий клубом так объяснил:

— Сегодня,—говорит,—вечер вопросов и ответов:—задавайте, у кого есть какой вопрос, а вот этот товарищ ответит.

И на товарища показал. Инструктор какой-то. Голова, видно, не нашему брату чета, раз за такое берется. Нам бы молчать, ждать, что умные люди скажут, а Гребешков тут как тут:

— Всякие вопросы задавать можно?

— Какие угодно!

И инструктор тоже:

— На все вопросы ответить могу!

Гребешков садится и меня в бок:

— Я его сейчас посажу. Я ему, говорит, такой вопрос задам,—не ответит!

— Брось,—говорю,—твое ли дело! Слушай, сиди, коли пришел.

И правильно я сказал: не дали ему первому вопрос задать.

У оратора уже на столе три записки. Умные, видать, люди подсунули. С международным интересом записочки:

— Кто, по вашему, победит в Китае, — народная армия, или генерал Тьфун-Чунь-Жбан, или как там еще,—забыл фамилию-то.

— Какое очередное предательство замышляет Макдональд, и отчего это во вред рабочему классу в общем и целом?

— Сколько верст от земли до луны, и есть ли еще рабочий класс на других планетах, и отчего это полезно во всесоюзном масштабе?

Умные люди писали, мне бы таких вопросов ни в жизнь не выдумать. Как, думаю, оратор выпутается?

А ему хоть бы что! Он как почал жарить— без всяких записок, что-те по книге. Особенно насчет других планет—прямо, будто, побывал там.

Я Гребешкову шепчу:

— Этого не подковырнешь. Все знает!

А тот не отстает:

— Подковырну!

И опять за разговором вопроса не задал. Другие перебили.

— Как,—спрашивают,—наша промышленность сильно разовьется в текущем году, и отчего это полезно рабочему классу?

Оратор опять без запинки.

Баба какая-то из задов кричит:

— А что такое половой вопрос, и отчего он полезен рабочему классу?

Оратор опять, как по книге.

Тут Гребешков встает, даже оратору кончить не дал.

— А отчего это,—спрашивает,—у нас во всем городе мыла нет, что очень вредно рабочему классу?

Я его за полу тяну:

— Не суйся! Люди серьезные вопросы задают, а ты с пустяками!

Ну, думаю, и обрежет же его оратор. Уж и подкузьмит! И самому интересно, отчего ж это, действительно, мыла нет? Сижу. Жду.

А оратор словно бы воды в рот набрал. Молчит. Сконфузился будто.

— Не знаю,—говорит.—Не могу сказать. Кризис, видно. Кооперация, наверно... Не знаю,—говорит.

Гребешков ему с места кричит:

— То-то же!

И тут многие свою несознательность показали. Один кричит:

— Почему у нас в цехах плату задерживают?

— Почему,—кричат,—у нас во дворе хорошие машины ржавеют?

Чуть было весь вечер не сорвали. Оратор даже совсем голос потерял, не знает, что и сказать. Спасибо, председатель месткома выручил:

— Товарищи,—говорит,—у нас культурная работа ведется, а вы с ехидными вопросами!

И Гребешкову:

— Вы,—говорит,—товарищ, если вам не нравится, можете совсем уйти! Работу мы вам срывать не позволим! У нас,—говорит,—серьезное дело, а вы с пустяками.

Выручил все-таки.

А Гребешков встал и ушел. И правильно сделал. Люди, можно сказать, заботятся нас в культуру ввести, а он им—палку в колеса! Для чего это?

Много еще в нашем рабочем классе осталось несознательности!

ЩЕТКА

Пелагея Тыркова, натирая мочалкой пол того учреждения, в котором она служила уборщицей, сказала находившемуся здесь сторожу:

— Хоть бы щетку купили, позаботились. Только зря спину гнешь—то ли дело со щеткой!

— Дура ты,—покровительственно ответил сторож.—Сказала бы коменданту—давно бы купили...

Утром Пелагея встретила помощника коменданта:

— Щетку бы мне купили,—неуверенно сказала она.

— Какую щетку?

— Полы мыть... Жесткие такие щетки есть... На палке...

„Что за щетка такая полы мыть?—подумал помощник коменданта.—Ну, понимаю—швабра... Ну—метла... А то что выдумала—щетку!“

— Щетка дело небольшое,—ответил он.—Только я за свой страх не могу. А вдруг отвечать придется? Спроси у коменданта!

Комендант выслушал Пелагею очень внимательно.

— Щетка? — переспросил он. — Вот хорошо! Надо купить...

— Купите, товарищ комендант... Невелик расход...

— Ну, конечно, куплю... Гм... Только вот что— напишите мне бумажку, что, мол, нужна щетка... Порядок все-таки...

Бумажку написал сам комендант, а Пелагея только расписалась под ней крупными корявыми буквами и ушла.

Комендант отложил бумажку на край стола и задумался.

— Щетка,—подумал он.—Какой же это расход? Домууправления? Нет! Пелагея моет прихожую и полы в канцелярии... Значит, это канцелярский расход... А к тому же—пол будто бы относится к самому дому и, следовательно, в моем ведении.

— Нет, этот вопрос необходимо согласовать,— решил он.—Произведешь расход, а его не утвердят, и тебе же нагорит. Тем более, нет у меня такой ассигновки—на щетки...

Он взял бумажку и побежал к управделами. Управдел брезгливо прикоснулся к бумажке:

— Уборщица? Сама написала? Я всегда говорил, что надо будить инициативу! Я это в докладе поставлю... „Даже уборщицы начинают понимать, что они работают в советской стране... Каждая кухарка...“

Управдел взял перо, и перо быстро запрыгало по бумаге.

— А как же со щеткой?—спросил комендант.

— Что? Щетка?—удивился управдел.—Щетка—расход, а я расходных документов не подписываю... И вообще не могу взять на свою ответственность... Сходите к бухгалтеру...

Бухгалтер достал смету и долго искал соответствующую графу.

— Не предусмотрено,—ответил, он, передавая бумажку коменданту.

— Пустяк—подпишите и все,—ответил комендант.

— А если пустяк — так подпишите вы... Зачем я отвечать буду?

Комендант замялся.

— Не знаю... Как же я сам... Ответственность все-таки...

— А, ответственность, так и я не хочу отвечать... Из-за какой-то там щетки... Ну, ладно, доложу заведующему...

Заведующий только-что окончил весьма неприятный разговор по телефону и был расстроен.

— Щетка? Накладной расход?—спросил он.

— Пустяк... Полтинник какой-нибудь...

— Сегодня щетка, завтра щетка, а послезавтра пылесос потребуется... А полтинник или рубль—значения не имеет. Важен принцип.

— Впрочем,—закончил он,—я этот вопрос в общем масштабе на коллегии поставлю... Пусть она отвечает...

И, свалив с себя ответственность, успокоился.

Вопрос о щетке быстро пошел по инстанциям. Коллегия, наткнувшись на этот вопрос, даже не читав, отложила его:

— Связано с денежными ассигнованиями... Не предусмотрено сметой. Доложить в наркомат.

Вместе с другими бумажка, подписанная Пелагеей, поехала в наркомат. Теперь это уже была не бумажка, а целый вопрос: „Об изменении сметного расписания расходов в связи...“ С чем в связи — не интересно. Вероятно, в связи со щеткой.

— Ну, и головотяпы же! — сказали в наркомате.—Беспокоят такими пустяками... Сколько денег на переписку ухлопали...

И вопрос „об изменении сметного расписания“ прибыл в учреждение с таким ответом:

„Делаем вам выговор за непроизводительную трату... Надеемся, что впредь... В то время, когда у нас ведется борьба с бюрократизмом...“

Одним словом, в ответе было все, что полагается.

* * *

Пелагея долго ждала ответа на свое заявление и, наконец, не вытерпела — спросила у коменданта:

— Щетки-то как же? Забыли?

— Забудешь ее!—злбно ответил комендант.— Целый скандал! Выговор за нее получили!.. Уходи ты с глаз долой со своей щеткой!

ДЕЛОВОЙ ПАРЕНЬ

Первый раз Брандуков выступил на производственном совещании. Речь в то время шла о сокращении накладных расходов; дело было сравнительно новое, и ораторов записалось порядочное количество. Человек десять до Брандукова высказалось: один предлагал штаты сократить, другой указывал на автомобили, третий на канцелярские принадлежности. Одним словом,—у каждого свое.

Тут-то и выступил Брандуков:

— Товарищи,—говорит,—вопрос, которым мы сейчас заняты,—это огромной важности вопрос. И подходить к нему надо не с точки зрения своей колокольни, а в общем и целом, поскольку он и поднят во всесоюзном масштабе. Надо, говорит, его проработать, товарищи. Где надо—там увязать, где надо—там согласовать. И тогда мы увидим, что, с одной стороны, накладные расходы высоки, а с другой стороны...

Одним словом, это была первая серьезная речь.

— Деловой парень!—говорили слушатели.

— Деловой,—сказало и начальство.—Как это мы его раньше просмотрели — такого человека и выдвинуть не мешает.

Брандукова выбрали в производственную комиссию. Там он опять себя показал. Рассматривался вопрос о расширении производства—высказалось опять десять ораторов, и каждый—свое.

Брандуков слово берет. На него все, как на пророка, смотрят.

— Вот что, товарищи,—говорит Брандуков.—Вопрос, которым мы заняты,—огромный вопрос. И подойти, говорит, надо к нему в общем и целом. Во всесоюзном масштабе этот вопрос надо решить, проработать его основательно. Вы, конечно, понимаете, что это значит—где надо—увязать, где надо—согласовать, и тогда у нас, с одной стороны, получится, что надо расширить, а с другой стороны...

— Ну и деляга же этот Брандуков! Вот это сказал, так сказал!

Брандуков член правления. К Брандукову теперь без доклада не входи. На каждом заседании после всех высказывается Брандуков.

— Товарищи,—говорит он,—этот вопрос необходимо решить в общем и целом. Проработать во всесоюзном масштабе. Согласовать и увязать, и тогда, с одной стороны...

Все слушают и все в восторге—вот молодец!

Так бы и работал Брандуков, все возвышаясь и возвышаясь, с пользой для дела и во славу на-

шей республики. Но у каждого человека есть враги, которые, даже без пользы для себя, норовят погубить человека.

У Брандукова тоже оказался такой враг. Както на совещании Брандуков сказал по своему обыкновению, что это, мол, важный вопрос, что надо его в общем и целом согласовать, увязать и проработать,—а враг тут как тут.

— Может быть, вы бы, товарищ Брандуков, проработали? Докладик бы приготовили?

Брандуков сконфузился, а все-таки сказал:

— Отчего же... Можно...

Три заседания прошло, — а доклада все нет, как нет.

— Не успел еще... Не приготовил...

Наконец, дольше ждать было нельзя.

— Ваше слово, товарищ Брандуков... Вопрос срочный...

Брандуков раскрыл свой портфель, достал оттуда папку, развернул бумагу и начал, довольно-таки деловито:

— Вы, — говорит, — товарищи, понимаете, что этот вопрос огромного значения... Что к нему с точки зрения колокольни подходить нельзя, а надо взять в общем и целом...

Замолчал, беспомощно захлопал глазами, посмотрел по сторонам:

— Знаете ли,—говорит,—надо этот вопрос увязать... Нельзя без того, чтобы не увязать. Как же так без увязки... Или согласование, например,

взять... И согласовать надо... Проработать надо...
И тогда, с одной стороны...

Опять посмотрел по сторонам, ища поддержки.

— С другой стороны...

Сконфузился и сел на свое место.

ИНИЦИАТИВА

(Сказочка)

Жил-был в одном учреждении директор. В учреждении было много отделов. В каждом отделе было по одному заву. Директор как-то сидит у себя в кабинете и вслух рассуждает:

— Все у меня завы хорошие, только один никуда не годится—Охлестышев.

А Охлестышев стоит у дверей, подслушивает.

„Те-те-те,—думает,—что же он про меня так рассуждает? Я, кажется, и исполнительный, я, кажется, и дело свое знаю, я, кажется, голову расшибу, а директору угрожу... Что ж это такое?“

А директор дальше про себя рассуждает:

— Всем,—говорит,—хорош Охлестышев, только малодетельный. А самое главное—нет в нем никакой инициативы. Бюрократ просто. Старый режим. А нам инициатива нужна.

Пошел Охлестышев в свой отдел и задумался. Грустно ему очень стало. Тоска заела. Видит—сидят в его отделе машинистки и регистраторы, курьерша топчется, секретарь вертится. И рожи

у всех у них такие противные. Смотреть не хочется.

— Тоже, небось, про себя думают: .ну, и зав у нас! Безо всякой инициативы. Так я им инициативу покажу! Так я их прижучу!

Составил проектец и является к директору. Тот его сухо принял.

— Что вам, товарищ?

— Обдумал,—Охлестышев говорит,—вопросик один. Штаты сократить хочу.

Обрадовался директор.

— Вот это хорошо! Это называется режим экономии. Напишите докладик, назначим комиссию, обсудим.

И сразу работа живее пошла. Комиссия заседает, Охлестышев доклады пишет, сотрудники волнуются, директор даже и тот ожил, развеселился.

Через месяц штаты сократили. Половину служащих уволили.

И тогда заметил Охлестышев, что оставшая половина с работой не справится. Пошел к директору на доклад.

— Я,—говорит,—думаю на временную работу нескольких служащих принять.

— Это хорошо,—отвечает директор.—Составьте проектец, а мы комиссию назначим, обсудим и решим.

Комиссию составили, обсудили и постановили:

— Принять несколько человек на временную работу.

Еще неделя прошла—видит Охлестышев, что временные всегда нужны, идет к директору.

— Я думаю временных на постоянную работу зачислить. Штат увеличить.

— Вот это хорошо, — отвечает директор, — мы обсудим.

Обсудили и постановили штат увеличить.

Две недели прошло, и видит Охлестышев, что народу у него в отделе слишком много. И личности все такие, неприятные.

— А не сократить ли, — думает, — штаты?

Пришел с докладом к директору. Директор говорит:

— Это хорошо!

Сократили. Только видит Охлестышев—с работой не справиться ему. Идет к директору:

— А не увеличить ли нам штаты?

* * *

Много ль, мало ль прошло. Пришел к директору другой директор. Сидят они в кабинете и рассуждают—кто у них из заведующих отделами самый хороший. Наш и говорит:

— А у меня из заведующих отделами самый хороший Охлестышев. Я уж не говорю, что он дельный, исполнительный и угодить всегда хочет—лоб готов расшибить. Главное в нем хорошее качество — инициатива. Деятельность умеет развивать. Вот кого бы надо на более ответственное место выдвинуть.

А Охлестышев слушает у дверей и радуется. Не стерпел, дверь раскрыл.

— А я,—говорит,—к вам с проекцем. Не сократить ли нам штаты?

— Вот, видите,—говорит наш директор другому директору,—что за золотой человек!

ИМЕНИНЫ

Трудно теперь стало жить нашему брату — обывателю. Службишка кой-какая, плату задерживают, а тут тебе и союз, и „Друг детей“, и Авиаким, и финагент, и кооперация всякая, и текущий момент, и что ни про что — такая нечистая сила. Скажем, в прежнее время был я деловод у податного инспектора, и все свои обязанности знал. Ребенок родился—зови инспектора крестить, именины у тебя — зови на именины. Ну, там водочки купишь, коньячку, икорки, жена пирожков напечет. Гость является, как гость, коньячку выпьет, от водки откажется:

— Крепкого, мол, не потребляю...

Икоркой закусит, да тебе еще предложит:

— Что ж вы, Иван Никодимыч, икорки-то?..

Ну, для его удовольствия и сам съешь. Хорошо было! А уж про сокращение штатов и вовсе не слыхивали—какое там сокращение, когда есть ты по штатам один человек! А теперь нашего брата видимо-невидимо развелось, и что ни месяц, то

штату сокращение, а как к человеку подойти, и вовсе не знаешь.

Прятели говорят:

— Устроил бы именины да нашего заведующего пригласил... тогда уж не сократит. Неловко!

Я и подумал: а отчего бы не так? Подхожу к нему, а он очень даже обрадовался:

— Я, говорит, с удовольствием... Я всегда рад...

Разговорились с ним: и то, и се, театров, мол, нету, итти некуда. Он и говорит:

— Верно, что некуда. Как наш брат живет? Водку пьют, в картишки дуются, сплетничают... Совсем некультурно...

Такое сказал, что я присел ажно: как же без картежного провозждения? Как же без того, чтоб не выпить?

Да виду не показал:

— Верно, говорю, некультурность и все такое. В столицах, говорю, ответственные работники и вожди, небось, друг другу по вечерам новые доклады читают... Вот живут.

— Еще б им не жить!

Прихожу я домой и говорю жене:

— Рождение сына праздновать будем, я уж гостей позвал. Закуска там — пустяки, главное, каждому речь сказать надо. И сам за газеты — вычитываю, какую бы речь сказать. Приятелям тоже сказал, и они согласились.

— Только водочки,—говорят,—на всякий случай купи. Уйдут, мы и одни выпьем. Картишки тоже не забудь, приготовь...

Я ничего, соглашаюсь. Не до утра ж он будет сидеть?

Приготовился, как следует. Маркса на стенку, красной ленточкой обернул, самовар поставил. Сидим все и ждем. Вот и он появляется, веселый такой, не то, что на службе.

— Кого,—спрашивает,—чествуем?

Я тут, конечно, встаю—и речь:

— Как, значит, товарищи, мы покончили в вековой борьбе со всеми пережитками и все такое, то должны и быту внести обновление в смысле праздников, и тем более именин. Мы, говорю, чествуем сегодня рождение гражданина...—Полчаса говорил. Я стою — говорю, и он стоит — слушает. Хозяйка на стол собирает, самоварчик вносит, закуски. Я свою речь кончаю, а он:

— Спасибо,—говорит,—за сознательность...

И прямо к столу. Хозяйка, понятно, волнуется, угощает: ветчинки там, колбаски, а он вилкой тычет и все чего-то по сторонам поглядывает. И другие тоже за ним—вилками тычут, а ничего не едят. И все молчат, боятся, как бы некультурный разговор не завести. Тут он опять вырывает:

— Тяжело,—говорит,—теперь с детьми. Родить тяжело, а воспитать и еще тяжелее...

Хозяйка моя при таких словах встает—и речь:

— Верно,—говорит,—что, как наследие старого режима, осталась трудность рождения граждан и будущих работников республики, но, конечно, пролетариат изживает все болезни и трудности роста, и наша промышленность перейдет довоенную норму...

Я ее тихонько за юбку тяну, шепчу:

— Ты все речи перепутала, насчет промышленности я должен говорить!

А она себе поет-разливается—все спутала:

— Мы,—говорит,—не социал-предатели какие, чтобы останавливаться на полдороге...

Я затих — слушаю. И гость наш молчит — слушает. Только словно бы ненормально глаза раскрыл, как на сумасшедшую смотрит. А виду не подал — культурный человек. Кончила она, он в ответ:

— Это, говорит, похвально. Дети—цветы будущего.

Тут мой приятель встает и в свой черед про детей. Хорошо говорил, спасибо, ничего не напутал. А гость сидит и глазом не моргнет. За стакан взялся, а чай уж холодный. Я хозяйке мигаю на самовар, и самоварчик остыл. Делать нечего, встаем из-за стола, рассаживаемся в другой комнате. Он сидит, и мы сидим. Он молчит, и мы молчим. Речи все сказаны, и говорить больше не о чем. Не сплетни же в самом деле разводить? Посидели так, посидели, он, гляжу, зевнул. Я тоже из приличия зевнул. И приятели за нами зевнули.

И все бы хорошо обошлось, кабы нечистый одного за язык не потянул:

— В картишки бы, говорит, не мешало...

Я его ногой толкаю—молчи! Заведующий мой ажно на стуле заерзал.

— Ну, думаю, быть беде!

И вперед заспешил:

— Как же, говорю, можно, товарищи, — карты. Карты одна отсталость, которая...

Долго я так говорил—про культуру, про быт. Гость мой от удовольствия даже глаза закрыл. Так был доволен, что уж и сидеть больше не мог.

— Мне, говорит, доклад надо составлять. Я пойду... Спасибо за хорошую компанию...

Он уходит, мы его, честь честью, проводили, а сами сейчас и водочку на стол, и картишки, и банчок соорудили. Сидим, веселимся, про то, про се разговариваем.

Вдруг кто-то в дверь: стук! стук! Открываем, а там наш заведующий собственной своей персоной.

— Здравствуйте,—говорит,—еще раз. Я у вас калоши забыл.

Гляжу, и водка на столе, и карты... Попались!.. Пропала моя головушка! Завтра же сократят. Влип!

Задрожал я и все слова перепутал:

— Водочка, говорю, у нас,—тово... Пили, говорю, тово... Может, и вам, говорю, тово...

От страху, конечно. Чувствую, что не то, а говорю. Сказал и сомлел. И приятели сомлели. Что будет?

А он подходит к столу и, слова не говоря, наливает стакан и полный стаканчик—в рот.

— За ваше здоровье,—говорит.

Видали?

— В картишки? — спрашивает, — очень люблю. Место у нас глухое...

До утра резался. Веселый ушел, довольный.

— Понятно,—говорит,—отсталость, да ведь как мы живем? Театров нет, пойти некуда...

Два месяца прошло, три сокращения было,— а я держусь. Потому, как подойти к начальству, знаю.

РЕВИЗОР

Да, всякие дела бывают. И на старуху, как говорится, бывает проруха. Сколько лет я в председателях ходил, и многие люди на меня зло держали, а до этого, до последнего случая с ревизиями ладить умел. В ревизоре главное понимать надо, к чему он больше пристрастен, и в эту самую точку бить, пока он не сдастся.

Одно время на меня кто-то донос написал, что будто бы я взятки беру—и прислали к нам ревизора, да такого страшного, кажется, хуже нельзя. Весь в коже, три револьвера за поясом, высокий, здоровый да сердитый такой—страсть.

— Эй, — кричит, — черти — жулики. Всех раздавлю!

Мы ему бумаги преподносим,—а он в бумагах-то мало соображает, только кричит. Он кричит, а я молчу. Он еще громче кричит, а я опять молчу. Дело к вечеру—накричался он вдосталь, тут-то и я заговорил.

— А не хотите ли пообедать, товарищ ревизор?

— Правильно,—говорит.—Дело делом, а и поест не мешает.

Пошли мы в избу, собрали нам обед, как полагается, а я бутылочку хлебной достаю:

— Вы, говорю, как хотите, а я люблю перед обедом рюмочку пропустить.

Наливаю и пью, а его угощать и не думаю. Мало ли что. Может, подумает, что его спаивать намереваюсь.

А он, как бутылку увидал, словно просиял весь.

— Угостите, коли не жалко,—говорит.—Я ведь тоже к этому делу привычный...

А мне не жалко. Наливаю ему полный стакан—пей. Он берет стакан—и единым духом. Даже не крикнул.

— Эге, думаю, мне такой ревизор не страшен.

Пили мы с ним недели две—так он пьяный и уехал. А ведь сколько грозы нагнал.

На его место немного погодя другого назначили. Тому опять на меня донос—приезжает. Худенький такой, маленький, в чем душа.

— Ну, думаю, этот не пьет. Ему, думаю, доктор не разрешил. Знаем и таких—видали...

Большой бестией насчет бумаг оказался—даром что худенький. В каждую щелку нос сунул—все за один день высмотрел.

— Да,—говорит,—дела-то у вас... Не того...

И усмехнулся.

Составлял бы, думаю, протокол—и вся недолга. Так нет. Откладывает одно дело—за другое берется. И его в тонкости пройдет—и опять в сторону.

— Плоховато...—говорит.

А я вижу, что дело неладно—такую штуку удумал: взял все папки с делами и в каждое, смотря по значению, подсунул—куда червяк, куда два, куда одну трешку. Он пришел проверять, а я в другой комнате жду.

Просмотрел он одно дельце—выходит ко мне.

— Тут, говорит, все в порядке. Не знаю, как дальше у вас...

— Не беспокойтесь, говорю. Дальше тоже самое...

И все прошло, как по маслу. Самый хороший отзыв дал.

А вот на последнем я промахнулся. Все говорят: самая страшная ревизия едет—член ВЦИК'а, будет тебе на орехи. Приезжает. Гляжу—совсем молоденький паренек, сам тихий, а сбоку револьвер висит. Ну, думаю,—этот и пьет и до денег жадный.

На другой же день я к нему подъехал. Догоняю на улице—подаю бумажку:

— Не вы ли, говорю, уронили?..

А он на меня как зыкнет:

— Ах ты, — говорит, — такой сякой. Ты мне смеешь взятку предлагать!..

Я чуть сквозь землю не провалился,—так он меня отчихвостили.

И вот теперь, как видите, под судом. Говорят, лет на пять упекут.

И все из-за чего? Из-за неподходящего ревизора. Обидно.

ДРАМКРУЖОК

На фабрике „Трудовая Заря“ культпросветом была объявлена запись в драматический кружок. На первое же собрание пришли: конторщик Рыбкин, помощник бухгалтера Кротов и три барышни из счетоводства.

Рыбкин—большой любитель драматического искусства—показал себя с первых же слов знакомом:

— Когда я в Залепиже служил, первое мое удовольствие—спектакль! У нас была хороша, труппа.. Мое амплуа—первый трагик!

Рыбкин взъерошил волосы, сделал страшную гримасу, от которой его угреватое лицо приняло зверский вид, нахмурил брови, вытянул вперед руку и прорычал:

— Не под-хо-о-оди-и-и! Убь-ю-ю-у-у!!!!..

Барышни чуть не упали без чувств, но помощник бухгалтера Кротов не испугался: он положил руки на живот и, мерно покачиваясь, захохотал сначала тихо, потом громче и громче, как смеются умалишенные.

— Я—первый комик!—добавил он в объяснение.

Все были в восторге.

— Очень хорошо, — сказал культпросвет, — только ни одного рабочего.

— А отчего же, — возразил комик, — мы несколько...

— Пусть идут, — с величественным жестом добавил трагик.

На следующем собрании двое рабочих скромно примостились у стенки.

* * *

В драматическом деле самое трудное — выбрать пьесу.

— У нас артисты были, — сказал культпросвет, — так, понимаете, ставили такую дрянь! „Страсть-злодейка“, „Невинная жертва страсти“, „Кровь за кровь“... Рабочие недовольны были...

— Ну, мы этих пьес не будем ставить, — возразил трагик.

— Революционный репертуар, — добавил комик.

— Я уж на вас полагаюсь, — сказал культпросвет и ушел.

Начались разговоры о пьесе.

— Не знаете ли вы что-нибудь этакое... революционное, — начал комик, — и чтобы сильно комическая роль...

— Да надо подыскать такое... революционное и трагическая роль... — заявил трагик.

— И чтобы обязательно героиня была женщина без сердца,—добавила одна из барышень.

— И одна инженерю-кокетт!—сказала другая.

— Все, все будет,—утешил трагик.—Вот у меня список рекомендованных пьес... „Борцы коммуны“... Ну, это не пойдет—без интриги и обстановочная... „За свободу“, революционная пьеса в трех актах...

— Там комической роли нет,—возразил комик.

— Оставим... „Забастовка“—три картины из рабочей жизни...

— Я знаю,—сказала барышня,—там нет героини...

— Оставим...

Перебрали весь репертуар,—нет подходящих пьес.

— Не пишут наши революционные драматурги,—придется из старого что-нибудь,—предложил комик.

— Придется из старого,—согласился трагик...—Знаете что: у меня есть хорошая пьеса—„Жертва любви“... Превосходная пьеса!..

— А она современная?—попытался возразить один из рабочих.

— А мы ее подновим!.. Да-с!.. „Жертва революционной любви“... Там, например, в одном месте он говорит: „Я готов положить свою жизнь за царя“,—это действие во время войны, а мы заменим: за революцию! Да? Зачитаем, что ли?

* * *

Вторая трудность—распределение ролей. Понятно, главные роли взяли комик, трагик и женщина без сердца. Кокетливую горничную согласилась играть инженерю-кокетт; оставались такие неблагоприятные роли, как старая бабушка героя, которую вывозят в качалке и которая не слышит и не видит, лакей и мужик, который только кланяется в третьем действии и говорит:

— Очинно вам... век буду бога молить...

С мужскими ролями справились скоро: оба рабочих были поставлены на эти роли, при чем сделали уступку: мужик не говорил: „буду бога молить“, а только: „очинно вам“... Но с бабушкой положение вышло катастрофическое: оставшаяся без роли барышня ни за что не соглашалась играть бабушку:

— Я,—сказала она подруге,—и платье себе сшила, белое в красных розах, как раз для сцены; такое декольте и вдруг—бабушка! Ни за что!

— Вас, может быть, возраст смущает,—нашелся комик:—мы можем изменить... Тут у нас бабушка 62 лет... Скажем так: Анна Петровна, ее бабушка, двадцати пяти...

— Двадцати одного,—запротестовала барышня.

— Ну, двадцати одного, нам-то что,—согласился комик.

Роли были распределены.

День спектакля. Зал театра фабрики „Трудовая Заря“ переполнен. За сценой неопределенный гул, туда носят какие-то лестницы, лампы, оттуда

слышатся душу раздирающие стоны. Загримированные актеры перебегают через зал, выглядывают из-за занавеса. Девять часов,—публика заметно волнуется, требует начинать.

— Вы постарайтесь, — говорит культпросвет трагику:—мне некогда было, я и репетицию не просмотрел...

— Не волнуйтесь, не подгадим,—отвечает трагик. Он в гриме напоминает пьяного тигра, и костюм у него тоже под тигра—полосатый, сюртук не сходится на груди.

Культпросвет говорит перед началом спектакля речь:

— Товарищи, перед вами революционная пьеса... Как называется? А?.. Революционная пьеса старого режима: „Жертва пролетарской любви“. Исполняется силами нашего драмкружка...

Аплодисменты.

* * *

Наиболее возбуждвшими внимание публики местами были следующие:

— Позови бабушку, Варя,—говорит женщина без сердца горничной инженерю-кокетт.

Та уходит. Женщина без сердца говорит монолог по пьесе: „Эта несчастная старушка! Она потеряла зрение и не видит горя, которое раздирает мое сердце... Она потеряла слух и не слышит моих рыданий! Она так стара, что не может пе-

редвигаться без посторонней помощи“...—объясняет она зрителям.

И в это время инженерю-кокетт приводит под руку барышню в белом платье с розами и огромном декольте, показывает на нее и говорит:

— Вот и бабушка...

В публике смех.

Второе место—когда выходит на сцену трагик, сделав лицо, и без того ужасно раскрашенное, зверски трагическим, кричит женщине без сердца:

-- Не подходи-и-и!.. У-убью-ю-ю-у-у!!!..

В публике—ужас и редкие смешки.

И третье—когда комик, схватившись за живот и мерно покачиваясь, захохотал сначала тихо, потом громче и громче... кто-то из публики в ужасе закричал:

— Воды! Дайте ему воды!..

СЕМКА - ХУЛИГАН

— Посмотрю я на тебя, Семка,—говорил Семкин отец после порядочного скандала, устроенного Семкой в городском саду,—скандала, который потребовал даже вмешательства милиции: — неужто у тебя никакого развлечения нет, кроме как драться да озорничать? Посмотрел бы, как другие... Вот с нашего же завода Митрюнька, тот целый день в клубе — учится, лекции слушает или на площадке в футбол играет. Вот это парень! А ты что?

Семка почесывал рыжую кудлатую голову и думал:

„А ведь, пожалуй, не врет батька-то?“ И хоть к батьке относился немного свысока, все-таки решил с этого же самого дня исправиться.

„Что ж я — пропащий, что ли? — раздумывал он,—и в люди нельзя показаться,—все, как один: „Семка - Хулиган!“ Девчонки, и те на полверсты обходят. Правда, и я им пушу иной раз что-нибудь этакое, а все-таки... Ну, да девчонки—дрянь! Вот что: пойду в клуб, запишусь в футболисты... Или, нет,—запишусь на гребной спорт...“

Семка представил, как он в одних трусиках сидит на лодке и ловко работает веслами. „Пожалуй, что Семка у нас—первый гребец“,—говорят товарищи. А на гонках Семка получает первый приз.

В клубе дверь заперта.

— Нету никого еще,—говорит сторож,—больно рано пожаловал. Хе-хе...

— Жалко, что у тебя не спросил, когда притти,—огрызнулся Семка.

— Проходи, проходи, парены! Тут у нас с такими, как ты, строго,—сказал сторож, сразу смекнув, с кем имеет дело.

— А у нас еще строже,—сказал Семка, засучивая рукава,—чуть что—так по роже!

— Ах ты, шпана проклятая!—закричал сторож и бросился за Семкой.

Семка мигом перескочил через изгородь, испугал какую-то девчонку, набрал второпях полные карманы яблоков, перескочил через другую изгородь и, скрывшись в густом малиннике, размышлял:

„Я ему покажу... Вот только бы мне записаться в клуб...“

* * *

Семка пришел как-раз к открытию клуба.

— Вам чего?—спросила худенькая, веснушчатая барышня.

— В клуб записаться хочу...

— Погодите—заведующий придет.

Барышня оказалась библиотекарем. Она разложила по столам газеты, отперла шкаф с книгами. Семка взял было газету, но после первых же строк его начало клонить ко сну.

„Не понимаю, как это люди сидят с этой самой газетой по три часа. Интересу никакого. А, впрочем...“

Семка осторожно оторвал кусок от газеты: пригодится!

Худенькая барышня как-раз в этот момент вскинула глаза на Семку.

— Товарищ, вы что это газеты рвете?

— Это не я... Это раньше было...

Он почувствовал, что навсегда потерял уважение этой барышни.

Через час пришел заведующий.

— Вам что?—спросил он у Семки.

— В клуб хочу записаться,—уныло проговорил Семка.

— Что ж, это хорошо,—сказал заведующий.— Заполните анкету.

Семка аккуратно вывел на бумаге свое имя, звание, возраст.

— Ну, вот и все,—сказал заведующий.— Вы теперь—член клуба.

Семка топтался на месте.

— Еще что?

Семка хотел спросить о лодках, но постеснялся.

— В футбол я бы хотел...

— Погоди—инструктор придет... по спорту...—
ответил заведующий и ушел.

Когда пришел инструктор, солнце уже клонилось к закату.

— Погодите, товарищ, — сказал инструктор, — у нас две команды и обе полны, а для третьей никого нет. Да и не знаю, наберется ли.

— А я то как же?—спросил Семка.

— Подожди... Да что вы все — спорт и спорт! Идите, у нас есть драмкружок, литкружок, образовательный кружок...

— А где бы мне их повидать?

— Зайди завтра—сегодня поздно. Вряд ли кто придет.

Вечером Семка сидел дома и угрюмо смотрел на улицу.

* * *

В драмкружке Семке сказали:

— Что ж, запишись, только роли тебе не дадим: ходи—слушай.

Семка послушал, послушал,— битый час режиссер возился с одной сценой. Дойдет до половины:

— Нет, не так,—ну-ка, сначала!

Семке стало скучно, и он ушел. В соседней комнате сидело человек десять ребят и ждали.

— Вы чего ждете?—спросил Семка.

— У нас газетный кружок, газеты читать учимся.

„Вот это хорошо“, подумал Семка и сел ждать.

Через полчаса пришел сторож и сказал:

— Сегодня не приедут! Никогда!

Семка зашел в другую комнату. Там ребята передвигали по шашечной доске какие-то фигурки. Он хотел было спросить, что они делают, но ему ответили:

— Отойди, не мешай! Я думаю...

В литкружке занятия не велись—руководитель в командировке. Политкружок оказался для Семки недоступным.

— Тебе бы раньше притти, где раньше-то был?

* * *

Вечером драмкружок ставил спектакль. Семке тоже хотелось остаться. Он забрался в дальний угол и ждал.

Часам к семи пришел сторож.

— Ты чего здесь сидишь, пострел? Билет есть?

У Семки ни билета, ни денег на билет не было.

— Зайцем захотел пройти!—сказал сторож.

Семка покорно вышел из клуба и присел на лешенке. К восьми часам начал собираться народ—ребята, девчонки и взрослые, все брали билеты и проходили в зал. Некоторые, как и Семка, без денег, толпились у входа.

В половине девятого открылся занавес. Безбилетные прильнули к окну, Семка вместе с ними.

Глядеть было неудобно: Семка висел на одной руке, одним глазом заглядывал в зал, другим—не идет ли сторож.

На сцене в этот момент как-раз разыгрывали ту же сцену, которую Семка прослушал в клубе.

И в ту минуту, когда на сцене водворилось полное молчание, из окна в зрительный зал ворвалось крепкое матерное слово. Все обернулись к окну, закричали:

— Держи! Держи! Хулиганы!

Но Семка был далеко. Перескочив через три забора, он очутился в городском саду.

— А, пришел! Явился!—закричали старые Семкины товарищи.—Смотри, смотри — вон девчонка с цветами...

Семка быстро подкатился к девушке и уже помахивал перед глазами товарищей букетом.

— Ишь, цветы-то какие! Ну, да, впрочем,—дрянь!...

Бросил цветы на землю, растоптал и сказал:

— Здесь скучно, — пойдём на улицу дивчат пугать!

ЗНАКОМСТВО

Без знакомства, действительно, у нас ничего не добьешься. Год-два твое дело будут тянуть. А если у тебя знакомые имеются или родственники—каждое делишко в два счета можно обварганить.

Было у меня дельце одно: такое дельце — отдай да мало. Шло оно, шло, нормально—а вдруг в одном учреждении—стоп. Затерло.

Прихожу я туда—у одного стола очередь, у другого очередь.

— Здесь, — говорят, — самое волокитное место. Без знакомства ни-ни!

А что такое знакомство, скажите вы мне, по теперешним временам? Раз плюнуть — вот и познакомился. Гляжу я — а как раз за тем столом, куда мое дело пришло, барышня сидит. Кудряшки, понимаете, локоны, пудра, как полагается—вполне реальный предмет.

Я к тому, я к другому — справочки навел, как зовут, да и подкатился.

— А! Марья Петровна? Это вы!

Та, понятно, смотрит, не узнает. А я руку ей подаю.

— Здравствуйте, неужто не узнаете?

— Никак не могу,—отвечает,—признать—и тоже руку подает, улыбается. Ведь и ее дело взять— а может, и верно знакомый?

Я ей дальше турусы развожу:

— Приехал, говорю, из провинции, к Антону Иванычу... Не пойдете ли со мной в театр... Я сейчас и билетик принесу.

— Какой это Антон Иваныч?

— И Антона Иваныча забыли! Да он вас вот еще какой знал... Зайди, говорит, к Манечке, нельзя старых друзей забывать...

Антон Иванычем я ее, вижу, сильно пришиб. Небось, думает, какой родственник и, может быть, место приличное занимает, протекцию оказать сможет. Смотрит на меня—а я, известно, человек, как человек, все на своем месте.

— Не помню, говорит, Антон Иваныча — хоть убей... А в театр отчего не пойти. Билетик-то принесите...

Я с ней вечером в театре рядом сижу. А там темнота — хоть глаз выткни, и на полотне всякие графы с графинями целуются и таково-то сладко.

— Марья Петровна, говорю, я хоть и не граф, а вы для меня лучше всех маркиз, как бы я с вами сладко целовался...

А она тает в темноте, а попалась, вижу, опасливая:

— Понимаю,—говорит,—что вы для интересу канитель разводите, чтобы я в чем вашему делу помогла...

— Что вы, говорю, неужели я такой... я в вас с детства, можно сказать, влюбленный...

Промотался с ней до ночи, ужином угощал, а на утро иду в учреждение.

— Здравствуйте, Маруся,—а сам к делу веду:— Кто этот секретарь, такой симпатичный? Познакомьте...

Барышня свою линию понимает:

— Вижу, говорит, что вы с задним намерением ко мне подходите...

Не знакомит. А с ней о деле говорить неудобно.

Две недели мотался — в театр водил, конфет покупал, на духи потратился. А она все непреклонная.

— Знаю, говорит, чего вам от нашего брата, женщины, требуется... Свое дело сделаете, бумажку от учреждения получите—и поминай вас, как звали. Довольно, говорит, я намучилась, без загса вам в деле не помогу...

— Я, говорю, от загса не откажусь. Уж очень я в вас влюбленный...

— Так поговорите с папашей...

Вот ведь на какую нарвался! Тут уж я и, правда, убежать бы рад — а папаша как-будто того и ждал — появляется собственной персоной. И уж действительно — папаша. Плечи в сажень, одной рукой небось десять пудов выжимает.

— Знаешь, говорит, кого ты берешь? Вот она в каком учреждении служит! Два этажа, одних столов штук пятьдесят, не считая что стульев... Входящих бумаг десять тысяч за месяц...

— Мне, говорю, не со столами и бумагами жить, да и столы, по правде сказать, не ее, а казенные!

— Знаем, говорит, что казенные.—Только ведь из хозоргана невеста — ты вот что понимай! Тут настоящие дела обделываются.

— А ее сократят,—говорю.

— Эка сказал—сократят! Да у нее дядька заведующий. Клади на ее имя в банк тысячу рублей—а то неравно сбежишь—ищи там с тебя—да и записывайся с богом. А об деле не грусти—устроит.

Поторговались - поторговались — поладили на пятистах. Записались в загсе утречком — и как вышли из милиции, я ей и говорю:

— Вот что, Маруся, теперь ты мне жена и, значит, в роде как родственница. Можешь ты мне мое дело толкнуть—в вашем столе лежит.

— Отчего же—веселая такая сделалась—теперь это можно.

Разыскала мое дело в столе, побежала к заведующему. Минуты не прошло:

— Идите за тот стол, вам бумагу дадут.

Вот что значит знакомство!

Только одна неловкость: на кой мне шут теперь эта самая Марья Петровна в виде жены?

Лишний груз для делового человека. Как бы, думаю, от нее отвязаться? Пятьсот рублей ладно уж—на то шел, пусть пропадают. А что если она женские сцены представлять будет? Папашу потребует?

Подхожу к ней—бумажку показываю.

— Спасибо, говорю, получил. До свиданья...

— Что ж, говорит, ты уж уходишь? Подожди...

Ну, думаю, сцены пойдут... Ну, думаю, папаша окажется...

— Оставляешь меня в замужнем положении и айда?..

Я даже побледнел весь—ишь ты, как она вдруг угадала. А что как при людях да в волосы вцепится? А она мне:

— Развестись нужно — вот как порядочные люди поступают... Иначе ты мне все дело испортишь...

Вижу—а у ее стола опять какой-то типик вертится, вроде меня.

— Марья Петровна, да неужто это вы?

Вертись, думаю, вертись, голубчик, а я до своего довертелся...

САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В клубе одного из учреждений задумали выпустить взамен обычной стенной газеты сатирический журнал.

— Бояться нечего. Сам заведующий говорит: здоровый и дельный смех—это лучшее оружие... Только, конечно, без зубоскальства... Он—не против, если его самого изобразим!

Сатиру решили не замыкать в узкие рамки учреждения:

— Получится, что личные счета сводим... Ударим по недостаткам всего советского быта...

* * *

Редакция собралась в расширенном составе пригласили художников со стороны. Завклубом сказал приличную случаю речь:

— Как мы решили выступить за узкие стены учреждения, — закончил он, — то скажу: не будем делать, как все. Раскроешь журнал: попы, нэпманы и опять попы! Хорошо раз, хорошо два...

— Правильно!

Разработали иностранные темы: Стиннес, Пуанкаре, Муссолини, зацепили кооперацию, самогон.

— А теперь—жизнь нашего учреждения!

Все сразу повеселели:

— Швейцара изобразить надо — такой нахал! Не изжита чаевая психология...

— А у нас в отделе делопроизводитель—точь-в-точь Акакий Акакиевич!

— Наша секретарша на службу с собачкой ходит!

— В уборной тоже—все стены неприличными словами...

— Высшую администрацию давните! Заведующего... Что в нем самого характерного—и в карикатуру!

— Автомобиль...—начал кто-то.

— Да ведь это не только у нас,—оборвали его.

— Такую картину: Сараеву говорит: вы сокращены, а Медеянскому: Павел Иваныч, у нас есть свободное место...

— Вот что: как рабочий до него не может добраться...

— В общем отделе,—возразил завклубом.—Ведь это не у нас только. Знаете что: мы не будем касаться этих... общих черточек...

— Ага! Ну, так вот: он стоит перед машинисткой и говорит: „Может быть, вы, Марья Ивановна, мой почерк не разбираете, я вам продиктую...“ А глазами-то, понимаете, глазами...

— Ха-ха-ха! Вот здорово загнул!

Но завклубом опять заметил:

— Неудобно, знаете... Как же так: стоит перед машинисткой! Обидится... Вот я лучше как предложу: он сидит за столом...

— Будто бумаги подписывает, а глазами—на Марью Ивановну...—догадался кто-то.

— Ха-ха-ха!

Завклубом тоже смеялся:

— Хорошо!

Потом призадумался:

— Знаете что: уж вы, пожалуйста, его без Марьи Ивановны изобразите... Так: сидит за столом и подписывает бумаги...

— Так это же не смешно!

— Ну, что вы? Можно и смешно изобразить... Сидит—и смешно!

Завклубом сделал вид, что не может удержаться от смеха.

* * *

Через неделю рисунки были готовы. Иностран- ный отдел прошел без возражений, но с внутрен- ним вышла загвоздка.

— Помилуйте, тут у вас с автомобилем... Ведь он на свой счет принять может...

— Это же—общее явление...

— Общее-то оно общее, но все-таки... Или вот эта дама с собачкой, а ведь за ней управдел ухаживает, придерется, что тогда? А тут на Меде- лянского намек... Нельзя же так...

Художникам приходилось соглашаться.

— Или вот самого... Ну, как вы его нарисовали? Нос-то какой! Да за этот нос он такое... А лысина! Да еще на лысине—муха! Ну, зачем эта муха?..

— Смешнее... Ну, да муху-то и стереть можно... Стерли.

— Без мухи лучше... Ну, а все-таки — нос... Извините, разве это нос...

Скоро были исправлены и нос, и подбородок, и глаза, которые вышли несколько плутоватыми. Завклубом смотрел-смотрел:

— А все-таки обидно как-то... Знаете что: пусть остается так: и стол, и костюм, ну, а лицо мы с фотографической карточки вырежем... А? Тут уж никак не придерешься!

— Так ведь это же не смешно!

— Что вы? Как это не смешно? Сидит в кабинете, вид строгий, начальственный... И мы его— в сатирическом журнале... Смешно!

И завклубом громко расхохотался.

* * *

В верстку материала не хватило: все рисунки были забракованы, кроме иностранной жизни, Акакия Акакиевича, швейцара и портрета зава.

— Нет ли у вас еще чего?—спросил завклубом у художников.

— Есть-то—есть, да только...

Художники нехотя вынули десятка два рисунков.

— Что это? Попы? Вот славно-то!

— Да ведь вы говорили, чтобы без попов...

— Если плохо, а то ведь можно и попа так нарисовать—пальчики оближешь! А!—восхищался завклубом,—как хорошо! С кадилом! А это что? Антонин? Вот хорошо! Тихон? Ха-ха-ха! Хорошенький у нас номер получится!

* * *

Номер вышел на славу: на первой странице—портрет зава, на второй — Стиннес и Муссолини, потом поп с кадилом, потом поп с крестом—два попа, Тихон — три попа, Антонин — четыре попа. Тихон вместе с Антонином...

1923 г.

ЧУДЕСНАЯ МАШИНА

В деревне Перекати-Поле мужики услышали, что в городе на выплату машины дают. Федотов Митька, ходовой парень, питерщик, расхвастался:

— Какую хочешь машину — такую и получай. Которая машина жнет, которая сеет, а есть такая машина, что ни тебе ни жать, ни тебе ни сеять, а она тебе — хлеб, она тебе — пирог, она тебе — сапоги! Во какая машина!

— Лектрификация, — смекнули мужики.

— Она самая! Сель-маш-трест, — прочитал он по складам, — вот туда и обращайтесь.

Собрали мужики денег и отправились в город. В городе на самой большой улице дом в пять этажей стоит, окна по две сажени, блестят, как зеркало, ручки у дверей медные, ты ее только открой, а она сама за тобой захлопнется, лестница каменная винтом, а для господ такая машина есть, что ты на нее только сядь, она тебя вверх моментом подымет. Мужики тоже хотели на этой машине наверх взлететь, да их не пустили: мандата на болезнь представить не могли. На самом верхнем этаже контора, в конторе еще пять машин, что

сверчки трещат—пишут, а одна машина деньги считает. В отдельной комнате директор сидит, говорит не просто, а в трубку—машина для дальнего разговора: за сто верст человека обругать можно—и бесплатно, и душе облегчение.

Мужики к директору.

— Так и так,—машину бы нам.

— Молотилку? Сеялку? Веялку?

Совсем забросал.

— Очень будем благодарны... А еще бы нам такую машину, чтобы ни тебе жать, ни тебе сеять, а она тебе—хлеб...

Засмеялся директор:

— Нет у нас такой машины!

Мужики сразу смекнули: скрывает.

— Ну,—говорят,—мы подождем, пусть он нам эти машины даст, а потом и настоящую потребуем.

Время подошло сеять, едут в город за сеялкой.

— Не прибыли еще. Обождите маленько.

А другой, что на машине деньги считает:

— Вносите следующий взнос, не то ваш задаток пропадет.

Внесли.

Еще время прошло—косить надо, едут за косилкой.

— Не прибыли еще.

А другой:

— С вас тут взнос...

Жать время подошло... Ну, да что говорить—нет и нет, а с них все взнос да взнос: и не дать

нельзя,—грозят, что задаток пропадет. Дошел черед до молотилки—у мужиков и денег нет.

— Как хотите—задаток пропадет!

По городу бегали-бегали: везде пишут—кредит, а в долг никто не верит.

— Что ж, видно, не судьба!

Стоят мужики у входа, перекоряются, да все на Митьку:

— Это ты наболтал про машину, чтобы ни сеять, ни жать. Оно и верно: не жнем, не сеем, только и хлебца-то не прибавляется.

— И деньги пропали, и время! Ну вас и с машиной!

Как-раз в это время выходит из дома директор. Весь в бобрах, сапоги лаковые, на руках перчатки. На машину садится, кричит:

— Пошел в ресторан!

Митька на него и показывает:

— Вот этот самый не хотел настоящую-то машину дать, а почему? Сам пользуется! Не сеет, не жнет — машину вертит, и ему машина все предоставляет!

— Какая же такая машина?—заинтересовались мужики.

— А вот какая! Митька отвел их на мостовую, показал вывеску:

— Вот читайте: Сель-маш-трест. Вот он ее и вертит!

Поняли мужики, почесали в затылках:

— Сел, маши, трескай! Хорошая машина! Вот бы нам такую! Э-эх!..

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Собрание. Докладчик что-то очень тягуче мямлит о международном положении, про китайские дела, путая имена китайских генералов.

Когда он кончил, собрание облегченно вздохнуло.

— У кого есть вопросы?—заявил докладчик.

Вопросов оказалось много, но не относящихся к делу: скоро ли пришлют землемера, когда отремонтируют школу и так далее.

— Это, товарищи, не по существу... Кто о международном положении желает высказаться?

Несколько минут молчания. Потом из задних рядов протискивается низенький бородач с узкими, хитро улыбающимися глазками и, встав у председательского стола, говорит, растягивая слова и запинаясь:

— Как мы, товарищи, прослушали международное положение, то дозвоьте мне слово, товарищи... Мы из международного положения, то-есть собравшееся крестьянство, вывели такое явление: что, значит, если там Китай, или что, то это нам ни к чему. Не боимся! Я, значит, и говорю: да здравствует советская власть! Верно я говорю?

— Правильно! Чего там!—поддержало собрание. Бородач медленно прошел в задние ряды и уселся на свое место.

— Кто еще желает высказаться?—спрашивает председатель.

Минутное молчание. Никто не хочет высказываться. Бородач в заднем ряду начинает суетиться, оправляет бороду и опять медленно выходит вперед.

— Вижу,—говорит,—что никто не желает высказываться, придется опять мне. Вот я и скажу в Китае там ежели генералы всякие, а у нас нету. Там еще где-то, скажем, капиталисты, а у нас нету. Правильно я разъясняю, товарищи?

— Верно, чего лучше!—поддержало повеселевшее собрание.

Бородач, удовлетворенно улыбаясь, прошел на свое место.

— Кто еще просит слова?

Опять молчок. Изредка крики:

— Хватит! К следующему!

Бородач снова начинает суетиться.

— Дозвольте мне еще раз сказать.

Теперь он говорит не так медленно и не запинаясь:

— Я хочу вот про что, товарищи. Нам, значит, международное положение осветили и в лучшем виде, можно сказать. А мы что? Сознательно ли мы это положение понимаем? Нет!.. Вот здесь хотя бы: товарищ председатель просит выска-

заться — я и понимаю, что надо высказываться! А другие понимают? Нет! Я вот и скажу, товарищи, — продолжал он, обращаясь к президиуму, — нас, сознательных, много бы больше могло быть. Только не умеют к нашему брату, сознательному, подойти... Не умеют! Вот хоть бы меня взять — третий раз выступаю, говорю; легко ли мне? А что я за это получаю? Ничего! Вот если бы платили нашему брату за сознательность... хоть бы самую малость... А то ведь обидно, товарищи!.. Я все сказал.

И бородач так же медленно и с такой же довольной улыбкой прошел в задние ряды и уселся на свое место.

ХОРОШАЯ ПЬЕСА

В рабочем театре „Красная Заря“ была поставлена пьеса революционного драматурга товарища Рыжикова под названием: „Восстание“. Действие охватывало период с 1913 по 1917 год. В первом акте было прекрасно изображено, как хозяин завода, капиталист Глодальников, эксплуатирует рабочих, в том числе и революционно настроенного товарища Голодухина. Голодухин раскрывает рабочим глаза на проделки капиталистов, выжимающих из рабочего класса прибавочную стоимость. Рабочие объявляют забастовку, начинается борьба, которая заканчивается победоносной революцией. В последнем акте капиталист Глодальников пытается улететь на аэроплане в Америку, но его задерживает рабочий Голодухин. Финал—революционная речь, оркестр исполняет „Интернационал“.

Пьеса успеха не имела, и после двух постановок ее пришлось снять с репертуара.

— Товарищ Рыжиков,—сказал заведующий театром,—дали бы вы нам что-нибудь новенькое...

— С удовольствием!—ответил Рыжиков.

— Только не надо голой агитации... Дайте нам что-нибудь такое.. Ну, вы сами понимаете, такое-этакое...

Заведующий прищелкнул пальцами и лукаво подмигнул Рыжикову.

— Такое -этакое? С удовольствием,— ответил Рыжиков и недели через две состряпал комедию из современной жизни. Сюжет несколько напоминал „Ревизора“, но типы были поданы по-новому и достаточно остро, отдельные сцены вызывали неподдельный смех.

— Хорошенькая пьеска!—сказал заведующий.— Только знаете что, товарищ Рыжиков... Неудобно нам ее теперь ставить... Карикатурно... Вызывает утробный смех...

— Позвольте! — возразил Рыжиков. — Ведь в пьесе имеется идея...

— Тем хуже... Осмеивать ростки нового быта... Это легкомысленно...

Пьеса была забракована. Рыжиков не унывал: через две недели была готова новая пьеса—трагедия из рабочей жизни. Автор изображал сознательного рабочего, среди всеобщей темноты маленького уездного города борющегося за новую жизнь и погибающего в этой борьбе.

— Тяжеловато!—сказал заведующий театром.— Надо бы что полегче...

Но легкая комедия с забавной любовной интригой тоже не удовлетворила строгого ценителя:

— Хорошо, только где же у вас тут идеология? Пьеса должна быть поучительна; надо, чтобы зритель по дороге домой призадумался...

— Отлично!—ответил Рыжиков.—Понимаю...

Но и следующая пьеса, посвященная вопросу о поднятии производительности труда, не была принята.

— Нам бы что-нибудь... Не знаю, как вам объяснить... Плохо вы стали писать, товарищ Рыжиков!

Рыжиков обиделся:

— Кажется, работаю добросовестно...

— Я не про то! Знаете что,—напишите вы нам, пожалуйста... ну, как вам сказать...

Заведующий задумался, потом нашел наилучший способ для выражения своей мысли. Он прищелкнул пальцами, лукаво ухмыльнулся и сказал:

— Что-нибудь такое-этакое... А? Ведь я вам не раз об этом говорил.

Рыжиков принужден был согласиться.

„Что ж ему написать?“—думал он.

Дня три сидел за столом, мрачно перебирая все написанные им для театра „Красная Заря“ пьесы, переставлял отдельные сцены из одной пьесы в другую, переделывал трагедию в комедию и наоборот,—все ничего не выходило.

Наконец, гениальная мысль осенила его.

— Эврика!—воскликнул он.

Взял пьесу под названием „Восстание“ и засел за работу.

* * *

Через три дня новая пьеса была готова. Называлась она: „Бунт“. Время действия—эпоха каменного века. В первом акте изображалась тяжелая жизнь рабочих каменного века, работавших на заводе каменных топоров, принадлежавшем капиталисту каменного века Глодану. Революционно настроенный рабочий каменного века Голодун в конце акта говорит речь о засильи капитала и читает выдержки из Маркса.

— Долой прибавочную стоимость!—кричат рабочие каменного века, и фабрика каменных топоров объявляет забастовку. Революционно настроенный рабочий Голодун собирает взносы в Авиаким. Занавес закрывается.

Второе, третье и четвертое действия изображают героическую борьбу рабочих каменного века с буржуями каменного века, которая заканчивается полной победой рабочих, капиталист каменного века Глодан пытается улететь на аэроплане в Америку, но рабочий Голодун задерживает его и говорит большую речь.

— Ура!—кричат рабочие каменного века.—Да здравствует советская власть!

Оркестр исполняет „Интернационал“, занавес падает.

* * *

Когда Рыжиков принес в театр „Красная Заря“ эту пьесу, заведующий обрадовался.

— Прекрасно, прекрасно! — сказал он. — Это именно то, что от вас требовалось. Я вижу, что вы еще можете писать хорошие пьесы!..

ТРУДНЫЕ СЧЕТЫ

(Из недавнего прошлого)

В конторе предприятия сводят старые счета.

— Ну так, ладно, — говорит один, — за вами семьдесят пять...

— Семьдесят пять. Да от вас пятого числа не получено двенадцать...

— Вычтем двенадцать, — шестьдесят три...

— Как же так шестьдесят три? — по-моему, тридцать восемь.

— 75 минус 13 по-вашему — тридцать восемь? Это почему же?

— Так то советские, а это ж золотые...

— Ах, да!... Значит, 75 минус 13 будет 38. Да вам от семнадцатого числа выдано десять, значит, будет 64...

— Это тридцать восемь да десять будет 64? Значит, по-вашему, десять—это 26? Нет-с, десять будет, по-моему, только 18...

— Десять — это восемнадцать?! А от какого числа? От семнадцатого? Это, милый мой, от пятого числа десять есть восемнадцать, а от сем-

надцатого—двадцать шесть! Да еще четыре от вас получено—значит, 64.

— Ф-фу... Как же это так? 68 минус четыре—это будет... тридцать пять! А вы шестьдесят четыре!

— Как тридцать пять?

— Да ведь это товарный рубль или нет?

— Товарный... Да позвольте-ка, там у нас десять было, так то тоже товарный,—а мы как считали?

— По Госплану...

— Нет... по бюджетному индексу... По индексу — 26, а по Госплану восемнадцать. Значит, вычесть восемь — отними пятнадцать... М-мм... Пятнад...

— Почему же это пятнадцать?

— А потому, что восемь и есть пятнадцать... Это ж от пятого числа. А пятнадцатого,—восемь—девятнадцать. Я же это твердо помню...

— Нет... Тут что-то не так... Ну, начнем сначала.

— Переведем-ка мы все сразу на один знак: семьдесят пять—это три триллиона, да от него отнять тринадцать—будет два триллиона и сто. Да плюс пять—будет... Э-э... будет... м-мм...

— Опять не так! Вы как переводите-то? Принесите-ка счеты, мы сначала начнем...

Поздней ночью две головы устало склонялись над счетами.

— Семьдесят пять да тринадцать—двадцать два. 22 минус семь будет тридцать пять, да 35 множаем на два—будет 21...

— Так или не так?

— Будто так...

— Итого—два с половиной триллиона; а два с половиной триллиона—это будет 63...

— Вот и не так! Считайте: два да два—восемь, да помножаем еще на два—будет тридцать четыре, да минус пять—будет восемнадцать...

Он долго бормочет, потом поднимает голову и говорит:

— Три триллиона!

— Да вы по какому курсу-то считаете?

— Курс 45...

— И вовсе не сорок пять, а пятьдесят четыре! Смотри-ка—уж рассветает, а он все по вчерашнему! Эх...

И счет 'начинается сначала.

1927 г.

ПУТАНИЦА

Ну, ребятки мои, уж и дела ноне пошли! Что творится—не знаю.

Был я в городе. За справочкой ходил. Захожу в канцелярию.

— Где бы справочку получить?

— Вон,—говорят,—там секретарь.

Я гляжу во все стороны, где секретарь—не вижу. Мне показывают.

— Это, говорю, секретарь? Так ведь он же, говорю, девка!..

— Молчи, старик. Какие у тебя дела?

Я ей говорю и то и се. Она слушает, не берет.

— Надо, говорит, к председателю.

— Вот, хорошо. То ли дело с мужиком говорить, не умею я с этим женским сословием. Иду в ихнюю комнату, смотрю—председателя нет. Баба там какая-то сидит.

— Что, говорю, председатель-то у вас ушедчи?

— Я,—говорит,—председатель. Чего вам?

Тут меня смех забрал—не могу. Смеюсь и говорю:
— Какой же ты председатель—ты баба.

— Я,—говорит,—не позволю меня бабой называть. Не оскорбляй!—кричит. Ты,—кричит,—чего ругаешься?

А чего я ругался,—просто так, по привычке. А ей обидно.

— Курьер,—кричит,—курьер!

Ну, думаю, мужика позовет. Сговорюсь. Ан, гляжу—опять баба.

— Это, говорю, ты-то курьер?

Она на меня:

— Язык придержи, а то под руки выведу.

— Я, говорю, не пьяный и сам уйду.

Не драться же в самом деле с бабой? Пусть бы мужика позвали, я бы ему надавал. А то — баба! Миром ушел. Пообедаю, думаю, и домой пойду. Прихожу в трактир. Советский трактир, дешевый.

— Эй, кричу, половой!

А тут выбегает, кто бы вы думали? Баба!

— Нет,—говорит,—теперь половых. Мы, говорит, члены нарпита и граждане.

— Все равно, говорю, дай обед.

Пообедал. Смотрю, а там у них все бабы. И за буфетом баба и в кухне баба, и деньги баба считает.

— А нельзя ли, говорю, мне заведующего?

— На что тебе?

— Службу хочу у вас попросить.

— Вот, говорит, он.

А это и не заведующий, а баба. Смеюсь я моченьки нет.

— Как же, говорю, вы тут без мужиков? Приняли бы меня.

— На какое ж тебя место?

— Я, говорю, десять лет в трактире кухонным мужиком служил. А у вас место свободное.

— Занято,—говорит.—У нас кухонный мужик есть. Вон, говорит, он на улице дрова колет.

— Смотрю—верно, дрова колет, только совсем не мужик, а баба. И в желтом платочке.

„Уж не попритчилося ли мне, думаю. А что как нечистая сила глаза отводит? Пойду-ка, думаю, к попу“.

— Где у вас тут поп живет?

— Вон в этом дому.

Стучу в этот дом.

— Можно мне батюшку?

А кухарка дверь открывает,—трясется вся.

— Нельзя,—говорит,—наш батюшка родит.

— Как, говорю, родит?

— Очень просто, как он у нас баба. Мы по старой вере живем. Родит, кричит, а за бабкой бежать некому.

— Дай, говорю, я побегу. Где она?

Подхожу к избе, в окошко стучу. А оттуда длинная борода.

— Позови, говорю, бабку. Поп родит.

— Я,—говорит,—и есть повивальная бабка. Сейчас иду.

Тут уж я очень обрадовался. Вот, думаю, хорошо,—мужика встретил.

— Очень, говорю, радуюсь я, бабушка, что ты есть мужик. Хоть и в женском положении, а приятно. Не все же, говорю, бабам в нашем положении ходить.

Только тут сердцем и отошел. И наше, думаю, мужицкое дело не сгинет. Куда ни шло, а на старости лет может и меня в пишущие барышни определяют. Небось на эту должность женского-то сословия не принимают!..

А все-таки чудеса, ребятки, истинные чудеса, прости ты, господи.

ПЕРЕЖИТКИ

На улице встречаются две старухи.

— Ты куда, Авдотьюшка, собралась?

— Да что говорить, Фоминишна. Беда у меня,

— Что ты. С сынком что ли неладно?

— С сыном. Вот, думала, последненького выкормила, будет подмога. Долго ли теперь мне на свете-то маяться, успокоит старуху, в гроб положит...

— Поживешь—не старая, чай...

— Где ж теперь мне жить-то? Вот видишь—ухожу от сына-то.

— Неужто гонит?.. Мать пресвятая богородица...

— Не гонит, матушка, не гонит,—что греха-то на душу брать. Да лучше бы он прогнал меня, вот до чего не в моготу стало. По миру ходить слаще, чем такая жизнь...

— Да что у тебя такое, Авдотьюшка? В ум не возьму...

— Я тебе все, Фоминишна, расскажу... Хороший он у меня, ласковый, слов нет. Никогда бы на него не пожаловалась—да ведь время-то ка-

кое, сама знаешь. С крысомором проклятым связался—сил моих нету. Спервоначала иконы ему помешали. Снял все и в угол сложил. Прихожу от поздней обедни—батюшки! Что ж ты, говорю, наделал, ирод ты этакий... А он мне:

— Религия,—говорит,—пережиток.

И слово-то это я запомнила.

— Не гневи, говорю, бога, Колюшка, чем они тебе помешали—висят, хлеба не просят.

Уговорила.

— Ну ладно,—говорит,— пусть висят у тебя, а мне не надо.

Ни в церковь не пойдет, ни лба не перекрестит. Ну да я, как уснет он, нет-нет да подойду и украдкой перекрещу. Не дай бог нечистая сила. А он так нечистому на рога и прет. Люди ко всенощной идут, праздник завтра,—а он ходит по дому да свистит. Я ему:

— Колюшка, завтра день твоего ангела, тебе бы в церковь сходить, а ты свистишь.

А он мне:

— Я,—говорит,—никакого ангела не признаю...

Пережиток...

— И от ангела отрекается—свят, свят, свят,— испугалась вторая старуха.

— Да ты погоди, что тут еще было-то. Я ему— в аккурат как ты, а он мне такое сказал, такое сказал...

— Можешь,—говорит,—теперь меня Колюшкой не звать—я себе имя переменял.

У меня индо мороз по коже.

— Как же это ты имя переменял?

— А так, говорит, старые имена все один пережиток,—опять такое же слово... Мы постановили новые имена взять.

Совсем меня убил. Прямо не верится даже.

— Как же, говорю, теперь тебя звать прикажешь? Уж не Свисток ли Иваныч, что ходишь да все свистишь?—пошутила я.—А он возьми, да не в шутку:

— Не Свисток, а Рычаг.

— Рачаг?

— Рачаг. У нас,—говорит,—вся ячейка из заводского обихода имена берет.

Ну я и говорю:

— Значит, и вправду тебя Рачаг Иваныч величать придется.

А он сурьезно опять:

— И никакого Иваныча—все это один пережиток.

Ему, вишь, и батькино имя не по нутру! Тут уж я рассердилась.

— Подлец ты, говорю, подлец! Батька тебя вспоил-вскормил, из-за тебя безо времени в могилу слег, а ты вот как его считаешь...

— От отца родного отрекается.

— Я же и говорю. Позоришь ты всю нашу фамилию. Видано ли было, у нас, у Мясоедовых, что такое...

— А он?

— А он? Вот прогневили господу... Он возьми да и ляпни:

— Кто-то,—говорит,—мясо жрал, потому и пошли Мясоеды. Не такой,—говорит,—фахт, чтобы об этом помнить.

— Что ж ты, говорю, так энтим чурбаном и будешь прозываться. Только, говорю, кота век Васькой зовут, а у доброго человека имя—фамилие...

Тут его товарищ подошел.

— Петя, говорю, хоть ты за меня заступись.

А он тоже. И что на них такое нашло?

— Я,—говорит,—и не Петя вовсе.

— Кто ж ты теперь? Неужто тоже Рачаг?

— Нет,—говорит,—я пока не придумал. Хотел—Гудок, да товарищи советуют—Монтаж...

— Ай-ай-ай.

— Нет, говорю, на вас на обоих креста-совести...

— Креста—это Колька-то мой—верно, что нет, а совесть имеется.

— Да что толку от ихней совести-то.

— Мать,—говорит,—пою-кормлю, ее старость уважаю... Все,—говорит,—тебе предоставлял, только живи, да мне жить не мешай!..

— Живи!

— Да как с энтаким жить. Вот собрала узелок и пошла... И не знаю сама, куда иду...

— Опамятуется...

— Как же опамятуется-то. Ишь, ведь, что выдумал:—Рачаг.

— Ф-фу. Рачаг... Да ты не убивайся, Авдотьюшка. Женится—пройдет.

— И не говори, Фоминишна. Я ему и так и этак внушаю—Коля, женись. Мало ли невест для тебя. А он нет и нет:—„Не хочу“, говорит.

— Чего ж это он?

— А то. Все это,—говорит,—пережиток!..

— Пережиток? И что ж это такое будет теперь? Пережиток!.. Прощай, Авдотьюшка, я побегу Ольге Петровне расскажу. То-то она подивится. Пережиток!..

РАСКАЯЛСЯ

Завтра Пасха. Священник отец Пафнутий—человек молодой, но уже вдовый, подождав, когда уйдет кухарка, вытащил из шкафчика кусок колбасы, опрокинул стаканчик горькой и задумался:

— Ну, и проклятая жизнь—поесть и то нельзя! Кто теперь посты справляет—даже в деревне? Увидят, что я колбасу в пост ем, осудят. Ну, скажут, и батя... А батя разве не человек?

Отец Пафнутий прилег отдохнуть.

— А ведь все-таки нехорошо я делаю. Прихожане постятся,—которые верующие, конечно, а вот я... Нехорошо! Обманываю их, вот что...

Перевернулся на другой бок, и новые мысли полезли в голову:

— А рассудить, так это и не обман. Я большой обман делаю—каждый праздник им в церкви головы морочу. Вот это обман! Говорю, что причастие—тело и кровь, а сам не верю. Какая же кровь, когда вино в кооперативе куплено, и притом же самое плохое... Исповедь тоже взять...

Отец Пафнутий призадумался.

— Обман! Отказаться бы от этого звания, пойти в приказчики или конторщиком куда-нибудь: дельному человеку место дадут, особенно если безбожником себя объявить и покаяться всенародно... Конечно, всенародно покаяться,—думал он, начиная дремать,—и покаяться сегодня же, на пасхальной заутрене...

В церковь отец Пафнутий вышел очень рано, но несколько старух уже дожидались его и подошли под благословение.

— Вот мои прихожане,—подумал Пафнутий,—старухи да старики... Надо отказаться! Подойдет побольше народу, и скажу всем...

Народу собиралось все больше и больше. Отец Пафнутий служил вяло, как-будто и не пасхальную службу.

— Ты что же это, поп, гнусишь,—заметил ему дьякон.—Народу столько собралось, а ты словно портянку жуешь!

Пафнутий ничего не ответил. „Сказать ему— вот удивится! Да что там удивится: обрадуется, чорт! Небось, на мое место в священники метит“.

Служба продолжалась. Кончился крестный ход. Пафнутий ходил по всей церкви, кадя перед иконами и думал:

— Успею еще... Выйду с крестом и скажу...

Но кончилась утренья, а Пафнутий с речью не выступил.

— Лучше уж во время обедни... А то светлая утренья и вдруг...

Пропели и херувимскую. Пафнутий должен выйти и сказать слово о воскресении Христа. Но на уме у Пафнутия было другое.

— Никогда или сейчас,—думал он, выходя из алтаря и готовя первые слова речи: „Товарищи, бывшие православные христиане...“ Привычным взглядом окинул переполненную церковь. От духоты гаснут свечи. Через плотную толщу молящихся еле пробирается церковный староста, и в тишине слышно только звяканье копеечек о тарелку.

— Много, небось, сегодня соберут!—привычно подумал но.—Стоит ли отказываться? Может быть, подождать, когда праздники пройдут, а то на Пасхе нам только и заработать... Народу-то сколько!

И, торжественно благословив „овец“, Пафнутий, вместо заготовленного отречения, сказал:

— Православные, вижу, что оскудевает вера ваша... Не слушайте проклятых безбожников... Христос сказал...

„А отказаться,—думал он,—я и в другое время успею“.

ДЕНЬГИ

У шинкарки Матрены собралась большая компания—середняки деревни Бугры. Тут был и Федот—член сельсовета, и Пахом, и Антип, и Елизар—они только-что получили свою долю лесов местного, как говорится, „назначения“, и эта доля в спешном порядке перегонялась на сорокаградусную. Разговор зашел о том, где и как люди живут.

— Вот мы бьемся, бьемся,—говорит Федот,—а все без толку. Почему? Денег нет!

— Главная сила—деньги,—поддержал Пахом.— Взять хоть бы рядом с нами—Кузьминки. Живут припеваючи!

— Деньги есть—чего же не жить?—сказал свое слово Антип.

— Так у них артель молоко в город поставляет,—заикнулся Елизар.

— Без денег и артели не заведешь! Нам бы деньги, мы бы, небось, жили не хуже кузьминских...

— Где же там без денег!

— А что бы,—мечтает вслух Пахом,—сговорилась бы наша власть да нам бы дала по сотенке,—ведь оправились бы. А?

— Не справишься с сотенкой. Две...

— А кто безлошадный, тому и тремястами не обернуться, чтобы так жить, как в Кузьминках.. Вот ежели бы власть...

— Даст, того и гляди!—обрезал Федот.—Я в волость недавно ездил, гляжу, а у них под носом мельница разваленная. Чего бы, говорю, стоило вам починить? И вам доход, и нам лучше,—мельнику не переплачивать...

— А они что?

— Денег, говорят, нет!.. А какие деньги нужны—плевое дело!..

— Кооперация могла бы взяться, — догадался Антип.—Там деньги есть...

— Держи карман шире! У них в лавке товара-то кот заплакал... А отчего?.. Денег нет.

— Деньги председатель старый растратил,—вспомнил Елизар.

— Жулика выбрали—он и растратил,—ввернула Матрена.

— А почему жулика выбрали?—размышляет Пахом.—От бедности. Были бы у нас в ту пору деньги—не позарились бы мы на его на два ведра очищенной и провалили бы...

— Бедность заставит,—вздохнул Антип. — Еще у нас в ту пору пожар был, полдеревни сгорело,—как же не быть бедности.

— А вот в газетах пишут,—показал свою образованность Федот,—что ежели всю деревню берез-

ками обсадить, пожар-то не так будет распространяться... И верно.

— При такой бедности да нам еще березки рассаживать,—люди засмеют!—возмутился Антип.— Я и то как-то черемуху принес из лесу; копаю для нее яму,—пусть, думаю, хоть ребятишки порадуются... А сосед увидал:—„Что, говорит, ты, Антипушка,—разбогател, что ли? Черемухи рассаживаешь...“

— Вестимо,—подтвердил Пахом,—бедному человеку это никак не идет. Богатый и огороды разделяет, и поросят разведет, пчелы у него водятся, а бедному человеку одно насекомое: тараканы...

— Тараканы-то тоже от бедности водятся, — сказал Федот.—Вот в Кузьминках пока артели не было—в каждой избе и тараканы, и клопы, как по крестьянству полагается, а теперь я в трех избах был—чистота!

— Деньги есть, вот и таракан уходит...

— И что ж ты подумаешь?—начал Пахом,— таракан или там клоп, а все понимает. Который с деньгами—к тому не идет, а к бедному—со всем удовольствием...

— Насекомая тоже чувствует. Даже вошь взять...

— И все-то вы чепуху порете, — вмешалась Матрена.—Обваривай тараканьи гнезда кипятком— вот и выведутся тараканы...

— При такой бедности да обваривай,—возмутился Антип,—досуг нам...

— Были бы деньги!..

Бутылка подходит к концу, но приятели разговорились и расходиться не хотят.

— Еще бутылочку раздавим? — спрашивает Федот.

— Отчего ж и не раздавить—отвечает Пахом.— Ну-ка, Матренушка!

— А деньги-то есть?—всполошилась Матрена, внимательно слушавшая весь разговор.

— Найдем!—обиделся Пахом,—нешто мы без денег...

— Велики деньги два рубля! Как не быть!

— Нету денег—и это не деньги...

На столе появляется новая бутылка хлебного, и разговор продолжается.

— Вот мы, скажут, пьем,—говорит Федот,—а отчего пьем? Все от бедности...

— Денег нет—вот и пьем!—соглашается и Федот.—А кабы нам деньги...

САМЫЙ СКУЧНЫЙ РАССКАЗ

Самый скучный рассказ мне довелось слышать в одном из учреждений, ведавших выдачей пособий или пенсий или того и другого вместе. В канцелярию с обычными столами и обычными сотрудниками вошел человек на костылях, худой, изможденный, оборванный, с целой кипой заявлений и документов на руках.

— Товарищ,—обратился он к одному из сотрудников,—в двадцать первом году я потерял пятьдесят процентов трудоспособности, а потом мне трамваем, отрезало ногу. Я совсем не могу работать. И вот тогда же, в двадцать первом году, я обратился в соцобес с просьбой о пенсии. Мне назначили освидетельствование. Освидетельствование откладывали несколько раз — и только в двадцать втором году в январе я получил удостоверение. Обращаюсь с заявлением в соцобес:

— Придите через недельку...

Я прихожу через неделю — через месяц, через два, наконец—мое дело не рассмотрено. Только в октябре рассмотрели. Иду за справкой — говорят: вам отказано, так как ваше удостоверение за давностью потеряло силу. Я вторично иду на

освидетельствование—это уже в январе двадцать третьего года. В марте из соцобеса мне отвечают: „На удостоверении неправильно наложена печать“. Я пошел к врачу...

Сотрудник, к которому обратился человек на костылях, во время рассказа обнаруживал явные признаки нетерпения, ерзал на стуле, суетился и, не дослушав до конца, сказал:

— Я не могу помочь... Обратитесь к товарищу вот за тем столом...

Человек на костылях покорно перешел к следующему столу, где секретарь весело беседовал с машинисткой.

— В чем дело?—спросил секретарь.

Человек на костылях повторил все сначала—и продолжал:

— Я пошел к врачу—врач заявил, что соцобес явно волокитничает и он не намерен потворствовать бюрократическим замашкам. Печать как печать—новой не поставит. Я опять иду в соцобес—там заявляют: „А не хочет — пусть делает переосвидетельствование“. Это, значит, в третий раз. В июле я получил новую бумагу, являюсь в соцобес, бумагу находят вполне достаточной и обещают в августе выдать пособие. В августе я прихожу за пособием—мне заявляют, что этот соцобес не может обслуживать меня как приезжего из другого района, и денег не выдали. Я обратился в губернский отдел — и оттуда в двадцать пятом году получил ответ, что мое заявление рассматри-

вается. В сентябре двадцать пятого года я устроил скандал в губернском отделе и отправился с жалобой в центр. Там мне сказали — это было уже в двадцать шестом году, — что мое врачебное удостоверение потеряло силу и надо еще раз пойти на освидетельствование. Это было в январе, а в сентябре у меня было уже на руках новое удостоверение. Тогда я с удостоверением...

Улыбка, игравшая на лице секретаря, постепенно сбегала, лицо его становилось кислым, сморщенным — он два раза зевнул.

— Вы кончили, товарищ? Нет? — еле сдерживая зевоту, спросил он. — Так ведь я не могу помочь... Вы обратитесь вон к тому столу...

Там сидел толстенький весельчак. Он все время подшучивал, посмеивался — вся его фигура и подвижное лицо свидетельствовали об избытке юмора и жизнерадостности.

— Что расскажете? — спросил толстяк. — Послушаем, интересно...

Не будем повторять начала рассказа — он известен.

— С удостоверением врача, — продолжал человек на костылях, — направился я в центральное управление. Это было в двадцать шестом в декабре. Там мне сказали, что я должен обратиться по месту постоянного жительства. В местном собрании, куда я обратился, мне сказали...

Толстенький весельчак к концу рассказа опустился, поблек и словно повис на стуле.

— Товарищ,—кисло ответил он,—вы обратитесь вот к этой барышне. Она вам даст справку...

Барышня была самой веселой щебетуньей в мире. Она пела, как канарейка, она смеялась, как восемнадцать колокольчиков.

— Говорите, — весело сказала она, улыбаясь просителю.

Тот начал опять свой рассказ. Но барышня не могла дослушать и до середины. Она стала зевать, как пятьсот пассажиров в ожидании поезда на пересадочной станции, и лицо ее даже позеленело от скуки.

— Товарищ, я не могу... Обратитесь вот за тот стол...

Часа два я следил, как проситель переходил от стола к столу и всем и каждому терпеливо излагал свое дело с самого начала.

— Я хожу шесть лет — говорил он, — прошел пять тысяч верст, износил десять пар сапог, я не могу работать, я принужден жить подаянием, и я умру с голода, если не получу, наконец, пенсии...

И везде и всюду его рассказ производил одно и то же действие: улыбки сползали с лиц, появлялась зевота и зеленоватый цвет лица, свидетельствующий о томительной, об отчаянной скуке.

Рассказ человека на костылях, повидимому, был самым скучным из всех рассказов.

* * *

— Читатель, а вам как? Сознаться, скучно?

НА СТО ПРОЦЕНТОВ

Губернский отдел одного союза принял шефство над деревней Оглоблино.

— Товарищи,—говорил председатель шефской ячейки,—нам досталась одна из самых глухих деревень. Деревня, я вам скажу, прямо никуда! Ни избы-читальни, ни комсомола, ни кружков! Трудная наша задача, товарищи, но зато мы сможем показать себя во всю... Не посраим нашего союза.

— Зачем срамить!

— Срамить, известно, не стоит!—поддержали председателя с мест. Тотчас же было решено послать в деревню товарища Завитухина наладить избу-читальню и сельскохозяйственный кружок.

* * *

У Завитухина дело в руках горело: собрал мужиков, предложил им отвести одну из изб под читальню.

— Мало ли у нас этих изб! Избу дадим бесплатно...—ответил мужик.—Только уже вы, това-

рищ шеф, постарайтесь газетки нам выписать да дровец схлопотать.

Так же быстро наладился и сельскохозяйственный кружок: ребята пошли с готовностью, только одно пожелание высказали:

— Вы нам, товарищ шеф, книжечек бы прислали да лектора, ну, хоть в месяц раз! Где ж нам самим во всем разобраться?

• Шеф—на то и шеф, чтобы обещать:

— Я не лектор, я не агроном,—сказал Завитухин,—мое дело открыть и наладить, а там вы увидите, что будет!

Открыли в один день и избу-читальню и кружок. Народу было много. Завитухин говорил речи, крестьяне, которые побойчее, тоже не отстали, и разошлись поздно ночью. Почему-то некоторые, в том числе и Завитухин, немножко покачивались,—вероятно, от переутомления.

Вернувшись в город, Завитухин доложил, что изба и кружок организованы; собрание постановило Завитухина благодарить и внесло благодарность в протокол шефской ячейки.

* * *

Оглоблинцы по новости дела первые вечера ходили в избу-читальню и за неимением книг и газет поигрывали там в картишки. Потом хозяин избы рассердился и повесил на избу замок:

— Будет вам! Я не кулак, чтобы свои дрова жечь!

Кружок тоже распался; негде собираться, да и соберешься—делать нечего.

Месяца два прошло—в союзе опять собралась шефская ячейка.

— Послать бы кого-нибудь, проведать...

— Завитухина!

— Не поеду,—я уже был. Пусть другой едет...

Поехав Плетухин. Приезжает и убеждается: темнейшая деревня, хоть глаз выколи. Ни избы-читальни, ни кружков.

— Ну, мы это в момент устроим. Неужто Завитухин не догадался?

За один вечер все наладили. Открытие прошло торжественно, говорили речи все, кому не лень,—и так далее.

Плетухин, вернувшись, доложил:

— Организовал избу-читальню и кружок!

Благодарили и занесли в протокол.

* * *

Через два месяца послан был Оплеухин. Приезжает—деревня, как сажа, черная: ни избы-читальни, ни кружков.

— Не беда,—говорит,—товарищи, устроим! Предшествующий товарищ оказался не на высоте, а вот я...

— Да вы бы нам избача поставили... Газеток бы...

— Лектора бы нам,—заикнулись ребята, записавшиеся в кружок.

— Все будет. Я, конечно, не могу быть лектором—я только организатор.

В момент все наладил. Речи говорили. В протокол вписали: в деревне Оглоблино организованы изба-читальня и кружок.

* * *

Еще через два месяца был послан Полосухин...
Приезжает—темная деревня, хоть глаз выколи.

— Я,—говорит,—устрою!

Устроил. Речи говорили. В протокол вписали.

А еще через два месяца послан был Мухин.

* * *

Три года прошло. Собралась шефская ячейка перед общим собранием отчитываться. Разрыли старые протоколы, переписали, и председатель прочел доклад:

— Товарищи! Глухая деревня досталась на нашу долю. Как сажа, темная. Ничего в ней не было. Но мы напрягали все силы—и вот вам результат...

Сунул нос в тетрадку, где были все достижения записаны, и прочел:

— В течение двух лет шефская ячейка организовала в деревне Оглоблино... шестнадцать изб-читален и... шестнадцать сельскохозяйственных кружков...

— Здорово!—пронеслись восторженные крики.

— А сколько дворов в этой деревне?—спросил кто-то.

— Шестнадцать дворов! — торжественно объявил председатель.

Ячейку благодарили всем союзом.

— Вот молодцы! На сто процентов сработано Здорово!

* * *

А в деревне Оглоблино—неизвестно почему: в силу ли вековой темноты местного населения или в силу каких-либо климатических причин—все шестнадцать изб-читален закрыты, и ни один кружок не собирается.

Вот после этого и работай с нашим народом!

СПОРТСМЕН

Лыжный пробег. Первыми по твердому хрустящему снегу плавно проскользнули атлетического вида молодые люди в шерстяных костюмах с розовыми, обветренными морозом щеками. Они скользили легко, спокойно и уверенно. А позади всех, отстав на полверсты, бежал запыхавшийся, бледный, долговязый и тощий дядя. Бежать ему было трудно — лыжи то расходились в стороны, то их носки вдруг, от неведомо какой причины, упирались в снег. Лыжник еле волочил ноги, но на лице у него было написано столько старания, столько желания перегнать всех остальных, что если бы только это одно требовалось, он победил бы весь мир.

Небольшой спуск. Первые легко соскользнули и полетели дальше, а долговязый на середине спуска беспомощно взмахнул руками и упал в снег. Прибежавшие на катастрофу люди увидели сломанные лыжи и длинное, беспомощно раскинувшееся на снегу, бесчувственное тело.

Придя в себя, лыжник первым делом спросил:

— А наши? Далеко?

И потребовал лыжи, чтобы продолжать путь.

— Бросьте,—посоветовали ему,—они уже, наверное, верст на десять уехали. Да и лыжи-то ваши...

Увидев сломанную лыжу, неудачник заплакал.

— Что же я теперь?.. Куда я теперь?..

— Зачем это вам? Если уж вы так любите лыжи,—бегали бы один—спокойно. Ну полчаса, ну час в крайнем случае, но нельзя же себя доводить до обмороков. И возраст ваш и здоровье—какой вы спортсмен?

— Да, какой я спортсмен,—горько согласился тот.

— Вы в молодости,наверное,чемпионом были?—заинтересовался кто-то.

— Ну—в молодости! В молодости я ни о каких лыжах и не думал. И напрасно... В молодости-то у меня всегда работа была, а теперь стар стал не гожусь, видно. Вот и пошел в спортсмены...

— Да вы кто же будете-то?

— Я? Я — безработный... Год маюсь, места не могу получить. Сократили меня в позапрошлом году—ни протекции у меня нет, ни специальности особенной—простой счетовод, и теперь никуда не берут. На бирже два раза в неделю стоял — все ждал, вот-вот какое ни на есть местишко получу. Послали один раз—являюсь на фабрику.

— Эка,—говорят,—какого прислали. Старик. Нам молодых надо.

Под каким-то предлогом отказали. Я стороной справляюсь, почему это меня не берут. Объяснил один человек, спасибо:

— Нам, говорит, не счетовод собственно нужен, а хороший форвард. Три года нашего предприятия команда первый приз брала, а теперь, представьте, форварду ногу сломали на состязании — мы здорово поослабли. Переманивали с других заводов, а те не отпускают. Ты знаешь, как теперь форварда? Хорошего форварда на семнадцатый разряд в любом тресте возьмут.

Тут-то я все и понял. Или протекция нужна, или нужно, чтобы ты был форвард, тогда службу получишь. Записался в команду.

— Как же у вас с футболом? Неудачно?

Лыжник покачал головой:

— В первый же матч голову проломили. Старая, неловок. Из команды, конечно, вон. Голова в футболе — первое дело. Без головы — никуда. Пролежал месяц в больнице — опять службу искать...

-- Что тебе футбол, — знакомые говорят, — теперь и дискометатели ценятся. Или прыжки. У тебя ноги длинные, может, на прыжках устроишься. Я знаю, в одном учреждении нуждаются.

— Я в дискометатели сунулся.

Старик вздохнул, низко наклонил голову:

— С первого разу прогнали. Не повезло. Диском чуть-чуть в инструктора не попал. Убил бы на месте. Я на прыжки...

— А что с прыжками? Фигура-то у вас действительно.

— Фигура, — безнадежно махнул рукой лыжник. — Прыгнешь, а ноги в воздухе болтаются — не знаешь, куда деть. Прыгнул один раз — ногу сломал... Можно бы на гребной спорт перейти — да замерзло все — вот я и взялся за лыжи...

— Бросить бы вам, — посоветовали сердобольные. — Куда уж вам физкультура. Ждали бы с биржи места — авось, получили бы...

— С биржи... Что вы там говорите... Сами бы попробовали...

Лыжник забрал поломанные лыжи и поплелся домой...

* * *

Через год сострадательные люди, которые подобрали упавшего без чувств старого спортсмена, могли наблюдать такую картину: эстафета, бег вокруг Москвы по кольцу А.

Впереди — атлетического вида молодые люди в трусиках, а позади в таких же трусиках долговязый длинноногий старик, запыхавшийся, бледный, измученный. Бежать ему трудно — он еле волочит тощие костлявые ноги, но на лице столько старательности и желания перегнать всех, что одного этого было бы достаточно, чтобы победить весь мир...

Видно, он до сих пор еще не получил службы.

ВЫДВИЖЕНЕЦ

Большое это дело — на настоящую точку попасть—и, кажись, немудреное, а вот мало кому удается. Другой в хлопотах за общественное дело голову себе разобьет, а что толку? Посадят за растрату общественных средств в исправдом общественных клопов кормить—и все тут: не сумел в точку попасть!

А вот Илья Шатунов в настоящую точку попал! Вот как было дело.

* * *

Собрался в нашей волости съезд. На съезд был послан Илья. Все время сидел молча, а как дошло до отчета вика,—откуда взялось что. Вышел вперед, бумажку из кармана достал и пошел чествовать.

— Вот что,—говорит, — товарищи! Мы прослушали доклад исполкома, а что мы из этого доклада вынесли? То самое, что не по лозунгу „лицом к деревне“ работал наш исполком, а лицом

к русской горькой. Почему же это происходит? А потому, что работники не на своих местах, и все ихние распоряжения не соответствуют правильности момента... Взять хоть бы землеустройство...

И пошел, и пошел,—тут у него и землеустройство, тут и дороги, тут и народное образование!

— Какое же,—говорит,—может быть образование, если этому делу дадено треть внимания и сам исполком газеты на цыгарки выкуривает?

Слушают наши ребята да диву даются.

— А что как его за такие слова на цугундер?

А он лучше нашего свой момент знал: отговорил, сел на скамейку и всех оглядывает, — вот, мол, я как! После него уездный представитель речь берет. Все дыханье затаили:

— Взгреют Илюху по первое число!

Ан нет! Вышел уездный:

— Рад,—говорит,—послушать деловую критику, какую преподнес товарищ Шатунов...

Подошло дело к выборам,—Шатунова сам вик на уездный съезд выдвинул.

* * *

На уездном съезде Шатунов еще смелее заговорил:

— Мягко,—говорит,—стелет уездная власть, да нашим крестьянским бокам спать на ихней подстилке жестковато. Почему в других уездах на каждое село трактор, а у нас на каждую деревню по два бандита приходится? Оттого, что наши ра-

ботнички больше о своем благополучии заботятся! Возьмем, товарищи, цифры...

И так пошел по цифрам отчитывать, что те народный комиссар. А напоследок брякнул:

— Все происходит оттого, что выбранные нами люди, как до жалованья дорвутся, так от работы стараются отлынивать... А работать надо не за страх, а за совесть...

Ну, понятно, на губернский съезд вместе с прочими и Шатунов проскочил. Башка!

* * *

Там он уже по внутреннему положению слово взял:

— Почему это,—говорит,—товарищ докладчик указывал, что промышленность наша подходит к довоенной, а товара нет как нет? Почему это сельское хозяйство на девятый год революции не на высоте? Потому направление у нас хорошее, а вот насчет исполнителей слабовато! Да, слабовато! Что мы видим в учреждениях? Волокиту! А почему? Плох контроль, да и работники, известно...

Тут мы сразу догадались, что быть Шатунову в губисполкоме,—умнее его никто не говорил из нашего брата, крестьян. Ну и выбрали и даже место ему хорошее дали—члена какой-то коллегии с окладом больше чем в сто рублей.

В точку попал Шатунов — ну и выбрался в люди!

* * *

В этом году опять пришлось нашим заборовским на съезд попасть.

— Что-то, — думают, — теперь наш Шатунов скажет?

Вышел Шатунов с докладом. Изложил все как есть, с цифрами, а напоследок добавил:

— Знаю,—говорит,—что будет моим докладом недовольство и нарекания относительно частных: я и не спорю,—на всех не угодишь! Будут говорить, что наши работники, живучи на хороших местах в губернии, оторвались от настоящего деревенского понятия и развели волокиту. Будут еще говорить, что насчет исполнителей у нас слабовато,—знаю наперед, что будут так говорить. Только вот что, товарищи: кто это будет говорить, тот больше о себе думает, как бы самому на хорошее место попасть,—вот, мол, умный какой! А посади его на жалованье,—он сам такой бюрократизм и „лицом к своему карману“ разведет, что хуже всех прежних. Вот что!

Тут кто-то нашелся и крикнул:

— Это ты не по себе ли, товарищ Шатунов, судишь?

А Илья хоть бы что: охота на пустые слова отвечать!

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН

— Хитрейший народ эти кулаки, — предупреджали Опенкина в губернии, — смотрите, как бы они вам ловушки не подставили...

Опенкин отправился в Ананьевскую волость, о которой до губкома дошли сведения, что она попала в лапы кулаков.

— Ну, что вы! — ответил Опенкин и улыбнулся. — Я этих кулаков наизусть знаю... Видывали виды в восемнадцатом году!..

* * *

Уже на станции Опенкин имел возможность убедиться в кулацком засильи. Бородатый ямщик, в худеньком заплатанном армяке, потребовал с него за подводу двадцать рублей.

— Совесть-то есть у тебя? — урезонивал его Опенкин: — каких-нибудь восемь верст!

— Ну, пятнадцать — меньше нельзя... И никто дешевле не повезет!..

— Кулак, — подумал Опенкин: — ишь, каким казанским сиротой вырядился. Знаем мы их... А я пешком пойду — вот и останется с носом...

С непривычки, да еще в городской обуви, идти пешком по снежной дороге было тяжеловато.

— Эй, товарищ, постойте! — окликнул его сзади чей-то голос.

Обернувшись, Опенкин увидел крестьянина лет тридцати пяти, который догонял его на небольшой серенькой лошадке.

— Куда путь держите? В Ананьино? Без валенок-то трудновато... Садитесь,—довезу...

Когда обрадованный Опенкин усаживался на дровни, крестьянин добавил:

— По служебным делам небось? Понимаем!.. Я вас мигом докачу — не глядите, что лошадка маленькая,—она у меня, что те рысак! Ге-э-эй!

„Симпатичный парены!“—подумал Опенкин.

— Что тут у вас за народ такой,—пожаловался он,—меньше чем за пятнадцать рублей никто и везти не брался...

— Бессознательность, — ответил возница, — видят, — человек без валенок, городской, и норвят побольше содрать. А того не понимают, что ему по службе ехать и для ихней же, может быть, пользы...

— Кулаки небось? — закинул удочку Опенкин.

— Ну, какие там кулаки! — усмехнулся крестьянин.

— Не хочет выдавать кулаков—запуган,—подумал Опенкин.

— Тут дело вовсе не в кулаках, а в просвещении,—продолжал крестьянин.

— А как у вас с просвещением?—заинтересовался Опенкин.

— Никуда дела, — горько вздохнув, ответил тот,—изба-читальня была, и никто в нее не ходил кроме нас: я — Мастаков моя фамилия, Иван Пришлый да Тихон Трофимов. Трое нас. Мужички наши кричат—заккрыть! Ну, а где же нам втроем содержать целую избу? Читаем дома...

— „Не коммунист ли?“—подумал Опенкин и спросил:

— А кто же эти трое? Партийные?

— Просто сознательные граждане... А ячейка у нас никакого авторитета не имеет... Замкнулись и не принимают никого. Мы с Тихоном было сунулись—отказ!

„Ага! Значит, кулаки и в ячейку пролезли“,—догадался Опенкин.

Печальная картина развернулась перед ним со слов Мастакова. Ни культурной, ни советской работы не ведется,—мешает партийная ячейка, в которую, по видимому, засели кулаки. Народ темный, сидит на трехполке, машин не приобретает, в кооперацию не идет, газет не читает. И даже противится тем нововведениям, которые заводят у себя сознательные граждане—Мастаков, Пришлый и Трофимов...

— Опереться на эту группу, ячейку по боку, наладить работу,—сложился план в голове Опенкина.

— Остановитесь у меня, — предложил Мастаков: — вот моя изба на отлете, чистенько у меня, клопов нет...

В избе, действительно, оказа́лось очень чисто. На стенах — портреты вождей революции, полка с книгами. Опенкин рассмотрел: книги по сельскому хозяйству, сборники декретов, несколько томиков Ленина, азбука коммунизма.

— Читаете?—спросил он.

— А как же. В наше время не читать, так не только что, а и с умным человеком не о чем будет поговорить!

За ужином Мастаков показал Опенкину, что он умеет вести умные разговоры: сам завел спор о кулаке, при чем склонен был, опираясь на речи некоторых вождей, отрицать значение кулака. Опенкин полагал, что кулака нельзя преувеличивать, но нельзя и закрывать глаза на кулацкую опасность.

— Все знает и хоть с уклоном, но настоящий коммунист, — заключил Опенкин.—И таких людей затирают, не пускают в партию...

Утром он шел разыскивать сельскую ячейку с намерением основательно прочистить ее. Найти ячейку было трудно,—никто не знал о ней.

Кое-как ему удалось добиться, что секретарем ячейки—приказчик местного кооператива.

— Ну, что тут у вас?—спросил Опенкин, а сам, глядя на лицо приказчика, думал: „небось, кулацкий прихвостень... отвертываться будешь...“

— Плохо у нас,—ответил тот:—кулаки одолели. Масса темная... Бедность большая...

Опенкин недоверчиво улыбнулся:

— Вот как... А что же вы не втягиваете сознательных граждан? Есть же у вас такие...

Приказчик отрицательно покачал головой:

— Где ж они? Я вам говорю,—кулаки одолели! Дохнуть не дают!..

Опенкин решил выложить все на-чистоту:

— А я знаю, что есть, а вы их не хотите втягивать!

— Кто такие?—удивился приказчик.

— Да вот,—вспомнил Опенкин,—возьмем хотя бы Мастакова, Ивана Пришлого...

— И Тихона Трофимова, — добавил приказчик и расхохотался.

Опенкин, ничего не понимая, глядел на него и не знал—смеяться самому или выругаться.

— Чего ж тут смешного? Мастаков — вполне сознательный гражданин!..

— Мастаков! — ответил переставший смеяться приказчик: — да ведь это главный кулацкий заводила и есть! От кого же мы и стонем, как не от него с его товарищами! У них и мельница, у них и круподерка, и кожевенный завод, и лавочка... Всю округу в руках держат. Сельсовет—в их руках... Даже в партию пролезть хотят—да я их не пущу... Пусть место потеряю, а не пущу...

— Позвольте,—возразил опешенный Опенкин,—я ведь с ним сам говорил. Так хорошо в нашей программе разбирается...

— А в чем их сила?—ответил приказчик...—Все знают!.. Все законы у них на ладошке. А бедняку

разве есть возможность? Они же сами его работой на своих предприятиях измучат, — придет домой — только бы спать. И, главное, не придется, — все у них по закону! Закон-то они ловко обходить умеют — сознательные...

— Да, — добавил он, — вы там и представления не имеете, насколько с этими новыми сознательными кулаками труднее против прежнего бороться!

ПРЕСТУПНИК

Выездная сессия нарсуда, разбирающая специально дела о порубке леса. В составе суда— один специалист по лесному делу, обязанность которого—разъяснить подсудимым вред самовольных порубок. Изба переполнена крестьянами, большинство которых привлекаются к ответственности или вызваны в качестве свидетелей.

Перед судом группа мужиков—допрашивается один из них—довольно пожилой, рыжеватая борода с проседью, рваная рубаха, посконные штаны.

— Гражданин Сидоров, вы обвиняетесь в том, что срубили в Павлихинской роще одну строевую пятивершковую сосну. Признаете вы себя виновным?

— Так мне же избу починить, гражданин судья... Валится изба-то...

— Гражданин Сидоров, суд знает, что вы срубили дерево не для баловства, но почему вы не обратились в лесничество?

Подсудимый молчит.

— К лесничему-то ездили?

— На что ж к нему ездить, к лесничему-то? За двадцать верст, а лес-то вон он! Тутося!

— На что ж к лесничему-то? — поддерживают и другие обвиняемые.

— Вас спросят, граждане, — останавливает их судья. — Ну, так вот, гражданин Сидоров, вы не поехали к лесничему, потому что он живет далеко, а знали вы, что Павлихинскую рощу вырубать нельзя и что за самовольную порубку вас накажут?

— За что ж наказывать-то, помилуйте, гражданин судья... Лес-то он—тутося, и не руби!

— Спокон веку рубили!—поддерживают другие обвиняемые.

— Граждане, — вмешался заседатель, — вы знаете, что лес — народное достояние...

— То-то ж и есть, что народное! Как не знать!

— Так вы расхищали народное достояние... Лес принадлежит всему народу в целом, и вы один не имеете права рубить без разрешения...

— Так разве я один! Мы всем народом!..—отвечает подсудимый, показывая на товарищей.

Те поддерживают:

— Так точно, миром мы...

— Граждане, вы не понимаете сущность вашего преступления, обязанность суда разъяснить вам... Вы должны были обратиться в лесничество, и лесничий отвел бы вам участок в другом месте,

потому что Павлихинская роща находится у истоков реки... Если ее срубить, то река обмелеет... Вы, уничтожая лес, уничтожаете реку...

— Мы к реке не касались, — возражает Сидоров.

— Нам что ж река—пусть течет!

— Вы так думаете, граждане, что не касаетесь реки, а на самом деле, если вырубить лес, то в реке не будет воды, потому что лес задерживает влагу... Поняли?

— Как не понять! Только мы что ж... Мы к реке ничего... Не трогали...

— Ну, вот, а не будет реки, все ваше место и ваша деревня будет безводной пустыней... Зима станет морозной, лето сухим и жарким, и хлеб не будет родиться, как за Волгой... Там засухи оттого, что нет лесу...

— Вестимо, разве можно без лесу!

— Ну, так вот, вырубая леса, вы портите климат...

— Это-то уж никак нет! Мы климата не трогали!—заволновались мужики.

— Как же не трогали,—объясняет другой заседатель,—вам ведь объяснили, что если вырубить лес, то климат испортится...

— Так разве ж я бы посмел... Я не видал, гражданин судья...

— Не трогали мы климата!—отозвались другие.—Всего только—что лес...

— Что портили, так исправим...

— Вы не понимаете, граждане,—начинает опять заседатель. Долго объясняет, доказывая ту же мысль, и потом спрашивает:

— Поняли?

Мужики нехотя соглашаются:

— Что ж, виноваты...

* * *

Суд кончен. Расходясь, мужики толкуют промеж себя:

— Из-за двух-то комлей—на, поди!

— Кабы штраф, туда-сюда, а ведь мучительства-то сколько! Такое завели...

— Я, говорит, у его климат спортил—да на что мне—тьфу!

— Лес рубили и суди за лес, а тут—климат!

— Так ты, Сидоров, другой раз смотри—нет ли его тут... Как бы не зацепить...

— А что им—тьфу, ты, господи! Уж если нужная штука, так в лес не клади! Держи, где подальше!

РОД ЗАНЯТИЙ

Приказ что ли такой вышел, чтобы каждую душу в карточках описать,—и ко мне один стрелкулист пришел—регистратор. Вынимает карточку—отвечай по всем вопросам. Я ответил: и возраст, и пол, и все такое — почему ж не ответить? Да мало ему этого:

— Род занятий?—спрашивает.

Мало ли какие у кого занятия? Не знаю, как и назвать. Он мне помогает:

— Торговец, служащий, ремесленник, рабочий...

Нет и нет.

— Ничего не делаете?

Оказывается и такая профессия есть, в карточке значится.

— Как так, говорю, разве может человек ничего не делать? Делаю. И работа всегда есть.

Обидел он этим меня.

— Ну, так что же вы делаете?

А как мне сказать? Нету такой профессии, да и только. И такого занятия, как-будто, нет—а вот я живу. Я и говорю:

— Искатель я—вот кто.

— Как так искатель? Золотоискатель?

— В роде того. Только отчего же золото? Мы и серебром не брезгуем. Мы и от бумажек не откажемся. Мы и товаром берем.

Не понимает.

— Ну, так я, говорю, вам всю карьеру изображу. Записывайте. Был я так себе, в роде конторщика. Интеллигент, значит. Размышление у меня в голове было. Все от размышления и пошло.

Иду раз по улице—вижу, двугривенный лежит. Поднял—и, конечно, размышлять.

— Вот, дескать, не искал, а нашел — и целый двугривенный. А если бы я искать стал—мало ли сколько теряют? И полтинник нашел бы и рубль.

С тех пор, хожу по улице — и голову вниз. Ищу. Месяц ходил—ничего не нашел. Да оно понятно—день на службе, а там и темнеет скоро—много ли времени для работы остается?

А все-таки мне подвезло. Еду в трамвае, а рядом барышня какая-то с портфельчиком. Портфельчик рядом лежит, а она сидит, газету читает. Остановка. А она все читает. Трамвай дальше попер.

Тут она вскакивает, как оглашенная, и бегом: — Остановите, „кричит“, проехала!

Ну я, конечно, портфельчик себе: находка! Тридцать семь рубликов в нем, не считая, что сама вещь каких ни на есть денег стоит. Иду домой и размышляю:

— Зачем мне служба, если я искателем могу быть? Много ли мне служба даст?

Бросил службу, а работать—работаю. Каждый день выхожу — ищу. И еще размышляю — зачем мне на улице искать, когда надо в трамваях. Езжу по трамваям. Размышляю. Еду по линии номер шесть—гляжу, приятель один.

— Ты что делаешь?

— Находки ищу.

— Где? Много находишь?

Объяснил я ему—а он смеется.

— Разве в трамваях много найдешь. Шел бы, как я, на вокзал!

Тут мои дела здорово пошли. Что ни день, то находка. Уж такое место вокзал—бросит человек вещь и куда-то бежит. А я тут как тут — у меня находка. То чемодан, то корзинка, то что...

Живу.

Только и тут скоро оскудение настало. Да и ездят все пустые больше. Время было летнее.

Приятель и говорит:

— Что ж мы зря на вокзале околачиваемся? Теперь на квартирах много можно найти. Полные квартиры со всяким добром дачники в городе забыли... Идем.

И пошли мы с ним по квартирам искать.

Так и до сих пор ищу. То на улице, то в трамвае, то по квартирам. Не скажу—часто, а находки хорошенькие бывают. Живу, не жалуясь, обут, одет, не хуже тебя, регистратора.

Не знаю, как он обо мне в карточку записал.
Не любопытствовал. Черкнул что-то и ушел.

Небось первый раз узнал, какие у других людей занятия бывают.

ШАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ

На глухом полустанке из вагона вышел человек, в довольно-таки потертой, но сохранившей некоторые намеки на щегольство одежде: на нем была шляпа, а из-под порыжевшего бархатного воротника пальто выглядывал белый когда-то, а теперь грязный воротничек. Человек этот, осмотревшись и взвесив на руке небольшой чемоданчик, направился к ожидавшим пассажиров ямщикам.

— Из города, небось,—шепнул один из ямщиков другому,—не ехать ли куда собирается...

— Я и то гляжу,—ответил другой,—только ты, Ермила, держись, и цену, чур, не сбивать!..

— Знаю сам!.. Городских не первый раз возим... Только ты, смотри, не продешеви... Ишь у него чемодан-то!..

— Еще бы! Только с них и живем. Деньги-то у них шальные!—согласился второй.

Неизвестный человек подошел к ямщикам. Те замолчали и вопросительно поглядывали на него.

— Не подвезете, граждане, до Высокого? — спросил неизвестный.

— Как же не подвезти—подвезем,—отозвался Ермил.

— Наше такое дело — хороших людей возить,— подтвердил и другой. И оба выжидательно замолчали.

— Сколько ж возьмете?—нерешительно спросил неизвестный.

Ермил живо откликнулся:

— Сколько со всех... Две беленьких...

И отвернулся.

— Что?!—с удивлением спросил неизвестный.

— Двацать рубликов—вот что,—ответил второй ямщик,—овес-то, сами знаете...

— Двадцать рублей! Да тут будет ли десять верст?—возмутился неизвестный.—Совести-то в вас нету!..

Ямщики переглянулись и, видимо, решили не уступать.

— К чему ж тут совесть! Лошадей-то, небось, не совестью кормят!..

Неизвестный несколько минут потоптался на месте, глядя на непреклонных ямщиков, и потом, взвалив на плечо чемоданчик, потащился по дороге.

— Обманывает,—шепнул Ермил,—сейчас назад вернется...

— Сбавить бы! — смалодушествовал второй ямщик.

— Что ты—сбавить... Не видишь — городской! Деньги-то у них—шальные!..

Но обладатель шальных денег быстро шел по неприсобленной к городским ботинкам дороге, не оглядываясь на ямщиков.

— Ишь гордый какой!—говорили ямщики.

— Сволочь!.. Чем бы ему поддержать крестьянина, а он... А еще туда же—смычка!..

* * *

Несмотря на поздний вечер, в Высоком еще не все спали, когда неизвестный человек постучался у одной из изб.

— Кого бог принес?—спросил из-за двери женский голос.

— Переночевать пустите... Из города я...

— Из города!.. — протянул тот же женский голос, и дверь полуоткрылась.— Подожди тут, я мужа позову...

Скоро появился муж.

— Вот что, мил человек,—сказал он,—мы пустить-то пустим, только не обессудь... Пятерочку нам... За ночевку-то...

— Пятерку?!

— А что ж!.. Как со всех берем, так и с тебя... А не то к председателю иди...

— А где председатель-то?

— В том конце... Да далеко к нему идти, к председателю-то... Утонешь еще в сугробах. А мы бы уж тебя за три рублика...

Неизвестный, не выслушав до конца, пошел разыскивать председателя. А в избе по его уходе говорили:

— Городской какой-то.. А трешки пожалел— жадный.. И чего это они деньги жалеют.. Ведь шальные у ихнего брата деньги..

— Денег у них, у городских—хоть печку топи..

Заспанный председатель живо нашел квартиру для приезжего и, уже подведя его к неприглядной, крытой соломой избенке, сказал:

— А то бы получше можно ночевку-то.. Пятерку заплати—в любую избу пустят..

И не мог понять, почему неизвестный городской человек отказался от такого предложения.

* * *

В избе, куда председатель привел неизвестного городского человека, сели ужинать. Хозяйка показала ему лавку, на которой он должен будет спать, и, осмотрев костюм гостя, спросила:

— Городской что ли?

— Городской,—ответил тот.

Хозяйка посмотрела на хозяина, хозяин утвердительно махнул головой.

— Покормить-то тебя нечем, родной мой,—ласково сказала она.—Может быть, яишенку поджарить?

Неизвестный смутился:

— Да я и так!.. Что вы, то и я..

— Какая ж наша еда — хлеб да картошка, — отозвался хозяин, — а мы тебе такую яишницу соорудим — любо дорого. Намедни один такой же ночевал — два рубля за нашу яишницу не пожалел...

Незнакомец, видимо, догадался, что и ему придется заплатить два рубля, и решительно отказался.

— Мне и картошка не плохо, — ответил он, — не избалованный...

Хозяину недоверчиво посмотрел на гостя.

— Что за еда — картошка! — ответил он, чистя еще теплую и слегка дымящуюся картофелину и не предлагая ее гостю, — разве вы в городе к тому привыкли?.. Почему у вас там мера-то идет?..

Городской, не ответив на вопрос, раскрыл свой чемоданишко и, вынув оттуда черствую корку хлеба, погрыз ее и улегся спать. Хозяева ни о чем не спрашивали нежданного гостя и только меж собой поговаривали:

— Жадный какой... А, небось, денег у него...

— Мало ли денег... Известно, у них деньги шальные!..

Утром неизвестный встал рано, поплескался у ракушечника и, даже не отведав чаю, которым его любезно угощала хозяйка, оделся, взял в руки чемодан и спросил:

— Как тут ближе в лесничество пройти?

„Небось лес покупать приехал“, — подумала хозяйка, смерив глазами чемодан.

— Как раз напротив нас выгон—тут и дорога... Да нанял бы лошадь... Мы бы сами тебя отвезли... А то неровно ограбят...

— Чего у меня грабить,—усмехнулся неизвестный и, попрощавшись с хозяйкой, ушел.

— Вот жадный-то!—подумала хозяйка.—Хоть бы за ночлег заплатил!

* * *

Придя в лес, неизвестный не пошел в лесничество, а, услышав в стороне стук топора, направился туда. Пятеро лесорубов работали на делянке. Завидев неизвестного, все прекратили работу и с любопытством смотрели на него. Вдруг лицо одного из лесорубов расплылось в улыбку, и он, бросив топор, побежал навстречу неизвестному.

— Егорка! Пришел!—обрадованно закричал он.

— Пришел, — просто ответил неизвестный и бросил чемодан.

— Идем!—ответил лесоруб и, схватив неизвестного за рукав, направился к старшему.

— Иван Семеныч!.. Вот мой племянник пришел... На работу просится.

Иван Семеныч недоверчиво осмотрел прибывшего.

— Не знаю, что и сказать,—ответил он,—годится ли?..

— Да что ты, не годится!.. Племянник мой... Сызмальства вместе работали—не смотри, что городской... В половых он там в советском трак-

тире работал, да потерял место, сократили... Будь другом, не прогони, парню жрать нечего...

Неизвестный человек просительным тоном подтвердил:

— Не гони, Иван Семеныч..? Три месяца без работы... Неужто ж мне с голоду погибать?..

ЖУЛИКИ

Кто бы мне сказал—да и обратиться некуда—отчего это такая несправедливость к безработному, который, имея билет земли и леса, стоит в череду на суконную мануфактуру у магазина церабкооп? Говорят оттого, что мы живем в буржуазном окружении, а я всегда протестую: где она эта буржуазия? В жульническом окружении мы живем, я вам скажу, жулик у нас нахально в каждую щелку прет.

Рот раскрой—жулик тебе в рот залезет. От этого, надо понимать, не только честный пролетариат, а многие, можно сказать, ответственные работники рта не раскрывают. Молчат. Побаиваются.

И еще бы не бояться, если у меня, честного пролетария, даже билет отобрать хотят, а которые жулики—с такими билетами в череду на суконную мануфактуру большие деньги выгоняют при теперешнем товарном голоде, а как я теперь пойду? Без билета меня и в черед не пустят. Без билета я голод терпи и нужду терпи, и нигде никакого сочувствия...

А все из чего? Что я молчать не могу. Что я жулика наскрозь вижу. Что я так жулика понимаю, ажно сердце горит. Что душа у меня страдает от ихнего безобразия на десятом году революции победоносного пролетариата.

Как это так, что жулик в каждую щелку прет?

Уж на что в череду—на ту же суконную мануфактуру—плотно человек к человеку пригнан, а он и тут щелку найдет. Меня самого взять: стою я, как полагается трудящему, тихо-смирно, впереди бабы, позади бабы—и наблюдаю. А не наблюдать, так тебе вперед еще какая баба вопрется, все они бабы в платках и на лица схожие.

Наблюдаю!..

И вижу—какой-то субъект, кепка у него серая на глаза, из воротника один нос торчит, туда торк, сюда торк... Втирается.

— Ты, спрашиваю, где стоишь?

Он такое имеет нахальство:

— Не твое дело!

И вперед меня промеж баб место занял.

— Отойди, говорю, гражданин.

Он опять на меня с полным нахальством:

— Стой, пока самого не погнали!

Как же так меня погнать, если у меня союзный билет работников земли и леса? Жулик это,—думаю я.—Никто иное, как жулик!

Сердце тут у меня так разгорелось, ажно в пот вогнало:

— Милиционер,—кричу,—вот этот гражданин без череду прет. Он, я вам скажу—жулик!

А гражданину этому хоть бы что:

— Жулик я или не жулик,—говорит,—это мое частное дело. А ты не смеешь меня при всем народе жуликом изображать.

У меня сердце так и кипит.

— Не отпирайся, говорю, видно, что ты жулик. Который в серой кепке и нос из воротника торчит, обязательно жулик..

Милиционер на меня:

— А у тебя что за кепка? А ты зачем нос в воротник прячешь?

Я за кепку схватился—точно что и у меня серая, только в полоску:

— Ишь ты, говорю, какая власть нашлась! На холоду нельзя и нос в воротник спрятать. Не буржуи мы, чтобы в енотах ходить!

Отстал:

— Не мое,—говорит,—дело, кто из вас жулик, это на личностях не написано.

А как же не написано, когда минуты не прошло, а тот, серая кепка, вперед меня на пятерых протискался! В дверь лезет!

Я кричу:

— Держи его! Держи! Жулик! Вон она, серая кепка!

А тут на меня десять человек и все в серых кепках и носы из воротников торчат:

— Сам такой.

И ну меня всякими словами, и даже баба туда же встряла:

— Ишь ты, — говорит, — какой скандальный! И чего не стоишь, как другие?..

А как можно от бабы обиду перенести? Больно уж много ихнему брату правов дадено, рабочего человека скандальным называть. Я на нее как цыкну:

— Эх, говорю, ты! Равноправие!

И опять все на меня: не смеешь женских правов оскорблять, а которые в кепках—к милиционеру:

— Этот гражданин антисемитскую пропаганду в отношении женщин разводит, а нас жуликами называет, когда сам такой же...

Я милиционеру:

— Неужели, говорю, не видишь, что они—жулики. Другие, говорю, голые—раздетые ходят, а они при товарном голоде в лавку сукно продают. Шайка у них, говорю. Оттого они и носы в воротники прячут, чтобы их не узнали...

— А ты почем узнал?

А как же мне не узнать, когда я сам тут же кажинное утро стою, как безработный земли и леса, и всех их вижу. Я это объясняю милиционеру и ему билет в зубы сую. А он на меня же и взъелся:

— Я на тебя протокол составлю и билет отберу.

Билет отобрать? Как это можно сказать, чтобы у человека ни за что ни про что билет отобрать?

Да ведь и билет тоже денег стоит! За него, кому надо, сотни не пожалеют, в такое горячее время. Я, может быть, этот билет на подержание за два целковых в сутки отдам... А он отобрать!

— Как же, говорю, ты у меня отберешь, если я безработный? А на что я жить теперь буду?

— Если ты безработный,—иди в бюро, там тебе работу дадут советские нужники чистить. А ты тут спекулятничаешь.

Это я-то спекулятничаю, что тихо-смирно стою. Это мне-то—нужники чистить?

— Для того, говорю, мы кровь проливали, чтобы на десятом году советские нужники чистить? И это с билетом земли и леса...

А он не слушает, да цап у меня билет:

— Вечером придешь, получишь.

А куда ж я теперь без билета? Значит, я всю ночь зря простоял. Значит, я без суконной мануфактуры домой вернусь. Как мне хозяину на глаза показаться, если я без ничего пришел, а которые жулики те по два раза получают. И ни у кого никакого сострадания к бедному человеку и безработному:

— Дождался, — говорят. — Не скандаль! Молчал бы!

А я не могу молчать. А я не могу не скандалить, если жулика вижу. Если жулики меня прямо в пот вгоняют. Если от жуликов у меня сердце горит. Если душа у меня страдает.

Трудно жить честному пролетарию при такой несправедливости. Тяжело жить. А все почему? Потому что в жульническом окружении живем. Потому что жулик у нас в каждую щелку прет. Рот раскрой—он тебе в рот залезет.

И потому многие и даже ответственные работники рта не раскрывают. Молчат. Побаиваются.

А я не боюсь—и вот из того страдаю.

БОГАТСТВО РЕСПУБЛИКИ

Агитатор приехал в большое село Обвалихино и созвал сход.

— Граждане, лес—богатство республики!—говорил он.—Берегите леса. Нет ничего дороже лесов...

— Известно, что может быть дороже!

— Ежели купить, так и не докупишься!—соглашались мужики.

— А у вас ежедневно самые хищнические порубки! Представьте себе, что лес уничтожен...

Оратор нарисовал ужасающую картину безводной и безлесной степи: такая участь ожидает Обвалихинскую волость, если не прекратятся порубки.

— Штрафовать! Нещадно наказывать незаконных порубщиков,—продолжал оратор.—В вашем селе решено переизбрать совет,—и новый совет должен вести энергичную борьбу!

— Переизбрать, переизбрать!—больше всех горячился один во рваном кафтанишке:

— Переизбрать!

Перевыборы начались.

— Я понимаю, граждане, переизбрать,—сказал один из крестьян.—И чтобы, значит, насчет лесу... А все дело в том, кого выбрать! Так я скажу: когда Прохоров сидел в совете—из-за чего прогнали?—Из-за лесу! Избу новую поставил.

— Правильно! Избу поставил! Не надо Прохорова!

— Потом Пахомов был... Так тот, значит, и избу и сарай...

— Долой Пахомова!

— И Смирнов, и Семенов, и Сидоров...

— Долой! Попили нашей кровушки!

— У всех по новой избе,—кричал мужичек во рваном кафтане.

— Кого же нам выбрать, коли чуть не вся деревня, а?

Общее замешательство.

— Вот Тимохина...

— А кто в прошлом году в членах сидел? Изба-то не хуже других.

— Травкина!

— А кто амбар строит? Хватит ему!

— Так что же,—вмешался оратор,—неужели никого не найдется, кто лесу не воровал?

Мужичек во рваном кафтане засуетился еще больше, наконец, ему стало невтерпеж молчать, он выскочил вперед, снял шапку, низко поклонился и сказал:

— Братцы! товарищи! граждане! пожалейте! Вот говорят, кого выбирать, — да я и лесинной одной не попользовался!

И совсем жалобным голосом добавил:

— Избенка-то у меня...—совсем развалилась... Выручите, благодетели—выберите меня.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Сколько на свете всякой машины придумано—страсть! И все, читаешь, американцы да немцы всякие орудуют, а нет того, чтобы наш брат изобрел. А почему?

Потому, что ихнему брату это легко дается: выдумал какой ни на есть винтик к машине,— и хватит: сыт, пьян и нос в табаке. А у нас—не так. У нас башка нужна. И такая башка, что никакому немцу не выдумать.

Был у нас один башковитый. Пошел как-то в поле,—видит—жнейка! Другому хоть бы что,— а ему не терпится.

— Ежели,—говорит,—сюда рычажок, сюда винтик, а вот в это место хреновинку, так цены машине не будет!

— Ладно, говорим, орудуй!

Вишь ты, ему показалось, что немецкая машина нечисто жнет. Башка!

Что ж дальше? В Америке там это просто: делай свою хреновинку, тащи на завод—и конец. А у нас не так. У нас, коли по этой линии пошел, изобретай дальше!

Он и пошел тут изобретать: первым делом чертеж требуется: чертеж не шутка, коли бумага есть,—а на ту пору нигде бумаги не оказалось.

Немцу бы тут и крышка,—а наш парень вывернулся—бумагу изобрел! С березы кору содрал, расправил, — и готова бумага. Вот тебе и вторую штуку придумал!

Пошло письмо в город, сидит он, ответа ждет. Ждал таким манером чуть ли не год, — известно, волокитность всякая,—а все-таки дождался: поступает к нему бумага с печатью:

— Пришлите модель, ваш чертеж непонятен.

Изобретай модель! Для модели железо нужно,— изобретай железо! Он и железо изобрел,—голова! Ночью с кооперативной лавки с крыши один лист снял, ночным же манером с паровоза гайку и трубочку,—глядишь—и модель готова.

— Скажешь,—все?

Для немца какого-нибудь, может, и все, а для нашего брата — с полдела. Ты пораскинь умом, как бы такую штуку в город свезти, если билета не купишь? Понятно, в Америке там это просто,—сел в автомобиль и был таков, а у нас и на этот счет надо аппарат придумать. И придумал!

Из ремней аппарат соорудил — и такой полезный аппарат, диву даешься! Ремешки крест на крест идут, из сыромятной кожи, — сам кожу-то изобрел. Этим самым ремнем прикручивай себя к любому вагону, хошь первого, хошь второго класса, и—жарь в город.

Прилетел на своем аппарате в город и модельку привез. Идет в одно место, идет в другое,—его в третье шлют. Он в третье,—его в четвертое гонят. Видит, а сапоги-то разваливаются, не выдержат такой ходьбы. Вы думаете, — ему крышка? Нет. Он и сапоги изобрел. Железом подметки подбил,—мало ли в городе железа,—и ходит.

Сколько он там ходил,—неведомо. Только прилетает на своем аппарате назад с той же моделью, сильно задумавшись.

— Что с тобой?—спрашиваем.

— Да вот, говорит, изобрел, очень все хвалят, а одной вещи не осилил.

— Какой такой вещи?

— Толкача, чтобы свое дело в ход толкать.

— Верно, говорим, надобен такой толкач! Ох, как требуется! Думай, говорим, выдумывай!

И зачал он думать. Год ходит,—думает, два года ходит,—думает, построил самогонный аппарат.

— Это, спрашиваем, что такое?

— Это,—говорит,—аппарат деревенские власти толкать, и какое бы,—говорит—к нему приспособление сделать, чтобы для города годился?

Измаялся весь, а не придумал: ума нехватило.

Н-да, у нас не Америка какая-нибудь, чтобы так себе: тяп-ляп, и готов корабль! У нас башка нужна. Да и не одна башка,—две башки и то, пожалуй, мало. А с одной башкой лучше в такое дело не суйся!

ТРАКТОРИСТЫ

В наше время без машины совсем невозможно. Спину гни, землю сохой ковыряй. Сквернота, а не жизнь. То ли дело с машиной. Трактор хотя бы взять: он тебе вспашет, он тебе посеет, он тебе хлеб испечет. Другой без трактора и спать не ляжет — трактор ему на ночь пятки чешет, а он лежит-прохлаждается.

— Здорово, ребятки, с трактором. Эх, кабы нам!

А чем же мы в самом деле хуже других? Народ мы небалованный, нам бы только землю вспахать, а с остальным и сами управимся. Собрались, потолковали и выписали. Куда ни шло.

И, представьте, машину нам в скорости прислали. Новенькая такая машина, блестит. Паренек с машиной прикатил—тоже новенький, в крахмальном воротничке—и тоже блестит.

— Вот, — говорит, — какое обращение: ручку сюда поверни—идет, обратно поверни—стоп.

Все рассказал. Ходит машина по деревне, трясется, будто боров, с боку на бок переваливается.

Показал и уехал.

— Куда же ты? — говорим. — Разве у нас не останешься?

— Некогда мне... Требуйте из города тракториста—пришлют.

Поставили трактор в сарай—ждем тракториста. Неделю ждем—нет. Другую неделю ждем—нет. Еще раз требуем, и еще неделю ждем—опять нет. А нам уж пахать пора.

— Что ж это мы, ребята, сохой что ли пахать будем? Давай сами пустим.

— Давай!

Парень один вызвался—Андрюшкой зовут.

— Я,—говорит,—человек наученый—в кавалерии два года был—с любой лошадей справлюсь—неужто мне эту штуку не оседлать?

И оседлал. Сел, ручку повернул—пошла машина. Прет по деревне—а мы за ним следом. Он шибче—и мы шибче. До ворот доехали, он кричит:

— Открывай!

Мы бежим открывать, а он прет и прет—прямо на ворота. Как языком ворота слизнул—все столбы повыдергал.

— Ну, думаем, и сила!

А машина все дальше прет. На полосу приперла—Андрюшка кричит:

— Приправляй лемеха, пахать буду.

А где же тут на ходу?

— Останови!—кричим.

Он побледнел весь — а остановить не может. Все дальше и дальше прет, безо всякого стеснения. Полосу прошел—по кочкам прет, кочки прошел—в лес уперся.

Только, слава те, лесу осилить не смог. Богатырь-богатырь, а споткнулся.

Мы Андрюшке кричим:

— Вертай назад—едем в деревню!

А он туда ручку вертит, сюда вертит—машина ни в бок, ни на сторону.

— Не идет!

Остановились и смотрим—а что делать, никто не знает.

— Плевое дело,—пастух говорит,—небось нужной части не прислали. Всегда уж так. А я знаю, чего нехватает.

— Говори, коли знаешь.

— Кнута нехватает. Ее бы кнутом огреть — сразу бы пошла. Корова небось, ежели которая упрямая...

Махнули на него рукой:—молчи! Секретарь совета заинтересовался.

— Не по форме,—говорит,—к машине отнеслись. Во всяком деле свою форму знать надо: одно в лесную комиссию, другое в земельную, третье в губотдел. А вы не то направление взяли, вот и уперлись...

— Брось, ты не понимаешь.

Милиционер явился.

— Это, — говорит, — не что иное, как хулиганство. Посадить бы денька на два в холодную...

Секретарь ячейки пришел:

— Почистить, — говорит, — надо бы. Оттого она и не идет, что не вычищена. Нашу ячейку почистили — живо работать стала...

— Оставьте, говорим, тут мастеровой человек нужен. А вы туда же. Посылай за кузнецом!

Явился кузнец: в одной руке молоток, в другой рашпиль.

— Что, не идет? Мы сейчас...

Посмотрел там, посмотрел тут:

— Шипы, — говорит, — стерлись. Тут ясное дело, что требуется: надо, говорит, наварить, да закалить, да отянуть, да оковать... Действуй, Андрюха, рашпилем, а я молотком буду.

Там ударил, тут ударил — какая-то хреновинка отскочила.

— Ишь ты, — говорит, — как сухо закаливают.

Тут уж мы все на него:

— Брось, уйди!

А машина стоит и стоит.

Что ж тут поделаешь? Двенадцать лошадей в нее кое-как впрягли да доставили в деревню. Стоит машина в сарае, а мы сохой пашем. Отпахали — а тут на наше счастье и тракторист приехал.

— Что, говорит, тут у вас?

Машину посмотрел, одну штуковину повернул, другую повернул — глядим — пошла машина.

— А как,—говорит,—вас сломать угораздило?
Мы молчим, только в затылках почесываем.

— Дешево,—говорит,—отделались—давайте десятку за ремонт, да мне в город на дорогу.

Ну, а теперь мы, слава богу, с трактором. Пахать, понятно, вспахали, и без него, а все-таки хорошо. Вечерком насадут на машину девки да парни—и пошла потеха. Катаются, радуются.

Говорят, что по осени машина нам весь хлеб смолотит.

И то ладно. Чай, мы народ не балованный—не пятки ж нам она чесать будет.

САТИРИЧЕСКАЯ ТЕМА

(В 2028 году)

— Нужен острый сатирический фельетон,—сказал редактор.

Я немедленно отправился на поиски. Город был благоустроен, учреждения точны и аккуратны, на заводах и фабриках полнейший порядок и отчаянная производительность труда...

— Не проехаться ли в деревню? Частенько выезжал на деревенских темах!

Аэроизвозчик быстро довез меня до того места, где когда-то стояла моя родная деревня—с избами, крытыми соломой, неграмотными мужиками, самогоном... Мы пролетели над причудливо расположенной группой огромных размеров домов. Аэроизвозчик спустился в центре этой группы.

— Приехали,—сказал он.

— Это деревня?

— Так точно, барин,—деревня!—ответил аэроизвозчик.—А во тамotka и мужички гуляют! Сидор!—закричал он.

Ко мне подошел длиннородый седой мужик в лаптях, плетенных из панамской соломы, шелковой рубахе, бархатных штанах и парчевых портянках.

— Не узнаешь? Сидор я, — сказал он, улыбаясь,—помнишь еще в твое время без штанов по улице бегал!

Я обрадовался знакомому.

— Сидор,— сказала я,—меня можешь не бояться—расскажи обо всем... Взятки у вас берут? Кулаки вас обижают? Самогонку гонят?..

Сидор рассмеялся:

— Что ты! Ни попов, ни самогонки, ни кулаков и в духах нет! Погоди—я тебе покажу хозяйство нашей коммуны...

Мы вошли в просторный зал, с потолком высоким, как небосвод.

— Это наш коровник,—сказал Сидор.—А это,—он показал на глыбу, величиной с трехэтажный дом,—наша автоматическая корова...

Корова помахивала автоматическим хвостом, и огромные насосы выкачивали из нее молоко в мраморные бассейны.

— Вот механическая овца... Обрастет шерстью в две минуты... Из-под ножниц день и ночь не выходит... Опытное поле—вес пшеничного зерна доводят до трех пудов...

— Ладно,—сказал я,—покажи, где мужики собираются.

— Пойдем—сейчас как раз праздник—они все во дворце-читальне...

Мужики сидели и читали „Бедноту“, парни играли в шахматы...

Я не стал напрасно терять времени.

— Вези в Москву, — сказал я аэроизвозчику, — только скорее — на чай получишь!

— „Где бы найти тему, — раздумывал я по дороге. — Ага! На фабрике! Какие же там были темы? Прогулы — наверное, нет... Задержка жалованья... Нет! Ага — нашел! Матерщина! Люди всегда люди — неужто они теперь и не сердятся?“

На фабрике шло обучение подростков. Один никак не мог наладить станок — рвалась нитка. Мастер стоял тут же и показывал:

— Вы не так, дорогой мой, — ласково говорил мастер и поправлял станок.

У того опять рвалась нитка.

„Вот сейчас, облает“, — подумал я и приготовил записную книжку.

— Дорогой, — еще ласковее сказал мастер, — вы опять не так...

Поправил станок. Нитка опять порвалась. „Ну сейчас выругается!“ У мастера — я видел — лицо налилось кровью.

И вдруг — тихий, тихий голосок:

— Родненький мой...

Меня окончательно взорвало это ангельское терпение. Я сам подошел к станку и сказал:

— Олух! Лупалы-то распялил! Вот как надо — так тебя перетак!

И что же? Уши мои услышали мой собственный голос:

— Друг мой, вы опять немножко ошиблись...

Теперь мне стало понятно дьявольское хладнокровие мастера: на фабрике стояли автоматические поглотители матершины!

— Ну и проклятое время,—сказал я,—пиши тут фельетоны!

И услышал свой собственный голос!

— Какое замечательное время—теперь вовсе ненужны фельетоны!

На улице газетчики кричали:

— Утконос! Свежий Утконос!

„Ага—сатирический журнал,—догадался я.—Посмотрим, как это они теперь работают при таких порядочках!“

Развернув журнал, увидел на развороте рисунок.

Рисунок назывался: „Разговор двоих“.

На рисунке—толстый, хорошо одетый рабочий говорит толстому, хорошо одетому крестьянину:

— Ну что, товарищ, дождались светлых днейков?

А крестьянин остроумно отвечает:

— Ура!

СТАРЫЙ ОБЫЧАЙ

Граждане села Загорья после праздника, на котором было немало драк и даже одно убийство, обсуждают на сходке вопрос о пьянстве.

— Изживать надо этот обычай,—говорит председатель,—как праздник, так все пьяным-пьяны. Хозяйству полный разор—и вот видите, какие несчастья бывают. А все вино. Предлагаю вынести постановление: кооперации водкой не торговать, самогонки никому не гнать и самим не пить...

— Правильно!—гудит сход.

— С этого же дня постановим,—обрадовался председатель,—у кого что есть спиртного—просто-на-просто вылить. Баста!

— Правильно!

— Голосуем резолюцию: с сего числа постановляем разделаться с вековым пороком пьянства и запрещаем в нашем селе потребление спиртных напитков, а равно самогонки и прочее. Кто за—поднимите руки.

Поднялось две-три руки.

— Что же вы, граждане?

Граждане топчутся, молчат...

— Ну, так как же?

— Не знаем, как. Все хорошо, а вот маленькое остается сомнение.

— У кого есть сомнение—говори.

Из толпы выходит молодой парень.

— Я понимаю,—говорит он,—пьянство бросить надо. Пить нельзя. Нехорошо это. А вот ведь случай какой: женюсь я через неделю. Женишься-то ведь один только раз. Как же молодость не помянуть—другая ведь жизнь начнется: ребята пойдут, заботы всякие. И вдруг для такого раза не выпить?

— Правильно он говорит,—поддерживают голоса,—для свадьбы не мешало бы и облегчение сделать.

Председатель тоже смутился.

— Правильно, что свадьба—большое дело.

— Ну, как же свадьбы не справить?

Наконец, выход нашли.

— Мы для свадьбы можем исключение сделать,—говорит председатель.—Резолюция остается старая, только пометим: окромя свадьбы. Голосуем. Кто за?

Опять поднялось несколько рук—остальные не голосуют.

— Что там еще?

— Не знаем, как. Сомнение маленькое есть.

— Какое сомнение—говори.

Из толпы выходит крестьянин.

— Моя баба сына должна родить. Уж, наверное, сына принесет, не иначе. Бабка Акулина и та говорит: „по животу видно, что сын“. Первый сынок у меня родится. Ну, как же с такой радости да не выпить. Нельзя.

— Нельзя,— поддержали многочисленные голоса.

— Вот я и говорю—для таких случаев тоже не мешало бы исключеньице...

— Понятно.

— Пожалуй, что и так,—соглашается председатель.—Мы так и запишем: окромя свадьбы и рождения сына.

— А дочка-то чем хуже?—раздался из задних рядов женский голос.—Неужто, если дочка родится, то и не радость?

— Теперь равноправие—одинаково радоваться должны.

— Что верно, то верно,—согласился председатель.—Женский пол обижать будем—в контру попадем. Так и запишем: окромя свадьбы и рождения сына или дочки... Кто за?

Десяток поднятых рук. До большинства далеко.

— Что ж вы!—сердится председатель.—То кричат „правильно“, а как голосовать—вас и нету. Что еще?

— Сомнения есть.

— Выкладывай, какие там сомнения.

Выходит еще гражданин.

— Всякие бывают дела, — говорит он. — Вот у меня, например: лошадь покупаю. Деньги пять лет копил. Как же с такой радости...

— Да... Радость тоже немалая... — согласился председатель.

— А если я корову покупаю, — чем же корова хуже лошади? — заявила женщина.

— Для мужика — лошадь, для бабы — корова. Уж постановлять, так на равных правах, — согласились крестьяне.

— А если кто шубу новую сошьет? — вспомнил кто-то.

— А вон Ванька сапоги новые купил, — неужто ж он, ирод, и не угостит из-за этой резолюции?

Председатель призадумался.

— Чего ж думать-то! Дело простое — для таких случаев можно и исключеньице сделать. Сами же резолюцию пишем, никто, как мы.

— Ну, так что же, граждане, — волнуется председатель, — постановляем мы или нет? Отменяем мы пьянство или нет?

— Понятно, что отменяем.

— А ну его — пьянство.

— Ты только в резолюции исключенье пропиши: в таких-то и таких-то случаях — можно.

Председатель пишет исключения: при покупке коровы, лошади, сапог, шубы...

— Пиджака! — кричат сбоку, — бывает такой пиджак, что дороже шубы.

— Именины еще припиши—небось раз в год...

Все записано. Председатель читает резолюцию.

— Ну, теперь как? Все, небось, за?

Поднялось два десятка рук—но не больше.

— Опять сомнения?

— Есть такие сомнения,—выступает старик.—

Пьянство, это понятно, надо уничтожить, а обычай-то наш старый уничтожаем мы или нет? Не все же радость—купить. Иной раз и не купишь ничего, а дело большое начнешь. Перед началом большого дела, по моему, тоже разрешить надо.

— Правильно говорит.

Председатель сдался.

— Ну вас. Как хотите, так и напишем—перед началом дела, так перед началом. Все теперь?

— Кажись, все.

— Ну, поднимай руки.

Все подняли руки, как один человек.

— Вот и хорошо,—обрадовался председатель,—все-таки резолюцию по борьбе с пьянством приняли. Разойдемся, что ли?

Старик, который хлопотал за выпивку перед началом дела, снова выступает вперед.

— Как же это расхотится? А? Большое мы дело, граждане, начали. Пьянство-то отменяем?

— Большое дело,—поддержал сход.

— Ну, а как же перед началом такого большого дела да старый обычай не соблюсти? Как же в начале такого большого дела не выпить?

— А на какие деньги нам пить?

Старик и тут нашелся.

— Какое это, ребятки, дело? Общественное?

— Правильно—общественное!

— Значит, на общественные деньги и выпить надо. Я вот что предлагаю: на пустошах у нас лужок есть—больно уж он далеко от деревни, совсем не с руки. Продадим его—вот и деньги!

Предложение старика голосовать не пришлось— оно было принято единодушно.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ СЛОВА

Обеденный перерыв в учреждениях и торговых предприятиях. Кооперативная чайная и столовая с подачей пива, как значится на вывеске, переполнена. Тут и крестьяне, приехавшие на базар или по делам, тут и местные работники волостного и сельского масштаба, и кооператоры, и торговцы, и просто граждане.

За столиком посредине двое крестьян допивают чай и ведут живую беседу о своих домашних делах.

— Я ему и говорю, Митьке-то,— рассказывает один:—ведь нельзя же так. Ты день лодырничаеть, два лодырничаеть—а ведь это разор хозяйству. Лошадь не путем гоняешь—а ведь ей, лошади-то, назавтра работать надо. Заморишь ты ее... разве ж можно так? Бесхозяйственность это!..

Сидевший неподалеку от наших собеседников гражданин отодвинул тарелку с супом и внимательно посмотрел на них. Собеседники на минуту умолкли.

— Кто это?

— Сельскохозяйственного товарищества председатель... А ты такое говоришь...

— Так ведь я же про своего сына говорю, про Митьку. Как есть бесхозяйственный парень...

Председатель товарищества опять поднял голову и нетерпеливо зашевелил ногами под столом. Крестьянин продолжал.

— Я ему это и говорю—вот как тебе сейчас. А он мне: „не твое дело“.—Так ты же, говорю, чей хлеб то ешь? Щучий ты сын, дармоед ты окаянный!..

За столиком в правом углу зашевелился еще один посетитель. Он сердито взглянул на собеседников и снова принялся за обед.

— Председатель крестпома, а ты так выражаешься... Эх!..

— Да я же про Митьку! Как же это возможно? Другие все в дом, все в дом, а он и последние остатки из дому волочит... Волокитчик ты, говорю...

Сидевший в левом углу член земельной комиссии сплюнул и выругался про себя: „И тут покою нет... Черти...“

— Осторожнее...

— Чего ж тут осторожнее с родным-то сыном? Вспоил, вскормил, от него на старости помощи ждал, а он рыло воротит. А он не слушает! Ему говоришь, как-будто в стену горох сыплешь... Кто ты есть для меня, говорю. Бюрократ ты для меня... Право слово, бюрократ!..

Неподалеку обедал председатель вика. Услышав последние слова, он поднялся и, оставив недоеденную котлету, ушел, громко стуча каблуками и бросив на прощанье негодующий взгляд на наших собеседников.

Крестьянин продолжал свой рассказ:

— А он мне на это: „если я бюрократ, то как тебя назвать? Слова, как следует, сказать не умешь... Дурак ты!..“

Из угла выскочил молодой человек в кепке.

— Вы что тут?—сурово спросил он.

— Да мы ничего... Разговариваем... Мы про себя...

— Ну то-то...—удовлетворился молодой человек и уселся на свое место.

— А это что еще за птица?

— А кто его знает... Оратор, небось, какой-нибудь. Мало ли их. Ну так вот. Легко ли от родного сына такое слово слышать? В дурака на старости лет произвел. Молчал бы, говорю, пьяница!..

Из заднего правого угла высунулась растрепанная фигура и нетвердыми шагами направилась к разговаривавшим. Крестьянин продолжал, не замечая растрепанной фигуры:

— А он мне: „зарабатываю и пью... Не твое дело...“

Фигура удовлетворилась и уселась обратно допивать свое пиво.

— Где ж это ты, говорю, зарабатываешь, а? Видел я от тебя какой заработок или нет? Ты мой хлеб пропиваешь. Ты чужое тащишь!

Заволновалась публика, примостившаяся рядом с буфетом. Даже буфетчик неодобрительно посмотрел на собеседников.

— Вор ты, вот кто!

Буфетчик выскочил из-за стойки, публика, сидевшая рядом с буфетом, тоже повскакала со своих мест.

— Просят не выражаться, граждане,—строго заявил буфетчик.

— Мы про себя...

— То-то, что про себя... Потихе бы...

— А он мне,—продолжал крестьянин жаловаться на сына:—Я, говорит, тебе за такие слова морду набью... Да на меня с кулаками... Я ему кричу: Как ты смеешь! Хулиган ты проклятый! Мордобоец!

До сих пор молчаливо наблюдавший за беседующими милиционер не выдержал, встал и, оправив ремень, подошел к их столику.

— Вы про кого это? А?—строго спросил он.

— Мы ничего... Про сына я...

— То-то что про сына,—несколько успокоился милиционер.—Только зачем же власть порочить. Разве ж я не слыхал, что вы тут говорили? Все слыхал! Я вам не позволю такую агитацию разводять...

— Да ведь мы про домашние дела...

— Знаем, какие такие домашние дела. Зачем же вам тогда было запрещенные слова употреблять? Волокитчик, пьяница, бюрократ, вор,— шопотом пояснил он, осторожно оглядываясь по сторонам:—разве можно. Тут все начальство сидит, а вы вот как... Ведь обидно же людям...

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Просвещение	5
Приставки	10
Газета	15
Отчет	22
Шеф	26
Механика	31
Мелочи	37
Несчастье „селькора“ Полушкина	41
Наука	45
Несознательность	51
Щетка	56
Деловой парень	60
Инициатива	64
Именины	68
Ревизор	74
Драмкружок	77
Семка-Хулиган	83
Знакомство	89
Сатирический журнал	94
Чудесная машина	99
Сознательный	102
Хорошая пьеса	105
Трудные счета	110
Путаница	113
Пережитки	117

	Стр.
Раскаялся	122
Деньги	125
Самый скучный рассказ	129
На сто процентов	133
Спортсмен	138
Выдвиженец	142
Сознательный гражданин	146
Преступник	152
Род занятий	156
Шальные деньги	160
Жулики	167
Богатство республики	173
Изобретатель	176
Трактористы	179
Сатирическая тема	184
Старый обычай	188
Запрещенные слова	194

Цена 1 р. 60 к.
переплет 20 коп.

КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПИСАТЕЛЕЙ
**„НИКИТИНСКИЕ
СУББОТНИКИ“**

Москва, улица Герцена,
д о м № 10/2.
Т е л е ф о н 4-64-17